

с(490)

X 98

2915-к

Педер Хузангай



Дальний полет



k-002915

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

M 2015 - K

Советский
писатель
Москва
1972





Перевод с чувашского

К 10-л
С(Ч)913
Х 98

Педер
Хузангай



ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ



*стихи
и
поэма*

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай родился в 1907 году в селе Сиктерме, Юхмачинского района, Татарской АССР. Учился в Чувашском педтехникуме, в Восточном пединституте в Казани, окончил Высшие литературные курсы в Москве.

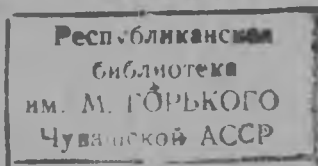
С 1942 года — в рядах Советской Армии. В 1944 году был ранен.

Первые стихи П. Хузангая опубликованы в 1924 году в журнале «Наковальня», а в 1928 году вышел его первый сборник стихов «После грозы». Основные книги поэта: «Двадцать шесть», «Магнит-гора», «Размах», «Клятва», «Таня», «Лес поет», «Избранное» — в двух томах, роман в стихах «Род Аптрамана» и ряд других. На русский язык книги П. Хузангая переводились неоднократно.

П. Хузангай известен и как переводчик. Им переведены «Евгений Онегин» и «Полтава» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова, «Владимир Ильич Ленин» и «Во весь голос» Маяковского, «Ромео и Джульетта» Шекспира. Стихи П. Хузангая переведены более чем на сорок языков народов Советского Союза и народов мира. Поэт много ездил, он посетил Болгарию, Венгрию, Румынию, Чехословакию, ГДР, Югославию, Кубу.

П. Хузангай является лауреатом премий имени К. Иванова и имени М. Сеспеля.

Весной 1970 года, после продолжительной и тяжелой болезни, Педер Хузангай скончался.





Высота





ЛЕНИНУ — ВОЖДЮ, ЧЕЛОВЕКУ



1

Когда предрассветная синь перламутром
Сверкнет над великой российской рекой,
Хочу каждый раз я сказать: «С добрым
утром!»
Тому, кто на площади встал городской.

Встал? Нет: он шагает, идет через площадь.
Он в кепке, в распахнутом легком пальто.
А ветер — в лицо, мнет полу и полощет,
Но твердым шагам не помеха ничто.

Владимир Ильич! Мы вас ждали так долго,
Хоть знали: вам надо весь мир обойти.
И вот вы у нас в Чебоксарах, над Волгой,
Как будто свернули сюда по пути.

Отсюда — рукою подать до Симбирска.
У нас вы, по слухам, бывали не раз.
Охотники наши в лесах шемуршинских
Недавно еще вспоминали о вас.

Вас помнят с отцом старожилы иные:
Инспектор брал сына в поездки свои.
Он школу в Хударе открыл нам впервые —
Тянул на большак с боковой колеи...

Владимир Ильич! Знают здесь повсеместно,
 Как вы, злобный вой рутинеров глуша,
 Еще гимназистом взялись безвозмездно
 Латыни учить бедняка-чуваша.

Едва ли вы знали, скитаясь как ссыльный,
 Что в знак благодарности — самой большой! —
 Никифор Охотников первенцу сыну
 Дал имя Владимир, вам предан душой.

Вы бросили вызов тупицам чиновным,
 Кто верил лишь в силу монет и оков.
 Задумались вы не тогда ли о новом,
 Свободном союзе племен, языков?

В Самаре ли тайно вы Маркса листали,
 Иль в ссылке сибирской точила вас грусть,
 Бросало ль гоненье в чужбинные дали —
 Вам та же мерещилась пестрая Русь.

Такой же загадочной и разноликой
 И разноязычной вставала она.
 И малый народ в ней страдал, и великий...
 Причина — одна. И дорога одна...

Свой ключ вы нашли к сердцу нации каждой,
 Когда их на штурм капитала вели.
 И стала Россия родною нам дважды,
 Как отчий наш край и как светоч Земли.

Владимир Ильич! Стал легендой для внуков
Тот год восемнадцатый: наша земля
Еще надрывалась в невиданных муках,
Вы дали депешу в Симбирск из Кремля.

В работе державной — тяжелой, огромной —
Вы вспомнили Яковлева-старика,
И текст телеграммы в блокнот Совнаркома
Вписала стремительно ваша рука.

Инспектора Яковлева, вы писали,
Вас интересует судьба. А была
Судьбой всей культуры она, что создали
Мы в царстве насилья, невежества, зла.

Вы жили заботой о людях, народах,
Деля свой паек с ходоком пополам...
Как хартию равенства, братства, свободы
Декрет о республике дали вы нам.

Чувашия! Было потеряно даже
Название в веках за какой-то чертой.
Впервые народ наш воспрянул и зажил
В созвездье Советов достойной звездой.

Нам стали доступны такие просторы,
Что небо штурмует крылатый чуваш.
Такие дороги открылись, что скоро
Далеким созвездьям ты руку подашь.

Увидеть бы вам, как под знаменем вашим
Шагают мои земляки, вам верны!
Увидеть: казахи, татары, чувашаи
И русские стали навеки равны.

4

Покончили мы навсегда с произволом,
Посмевающим, как мор, посягнуть на народ.
Мы вас оболгать никому не позволим,—
Великая партия ваша живет!

Мы шли к ней по штрекам, в бою ураганном,
С полей, от наук, от поэзии строк,
Чтоб сталью и хлебом, стихом и ураном
Приблизить желанный и радостный срок.

Не легкое счастье быть в армии этой:
«Достаточно ль тверд ты и знающ и чист?» —
Спросил у себя я над первой анкетой,
Ведь это присяга векам — к о м м у н и с т!

Придя в вашу партию с грузом сомнений
В пригодности ей, с болью всяких невзгод,
Я чувствовал: только она мне спасенье
И только она веру в сердце вдохнет.

5

Владимир Ильич! Так мне хочется много
Сказать вам! Но я... я тревожусь в душе:
И праздность речей осудили вы строго,
И лезть, что сладка для замшелых ушей.

ПАРТИИ



Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье
На знамени твоём читаю я.
Над чувствами моими я не властен:
Тебе гимн сердца, Партия моя!

С тобою мы прошли такие кручи,
Где в пламени жестоких гроз не раз
Решалась историческая участь
Страны, народа, каждого из нас...

От стен Парижа до снегов Норильска
Кровавый след тянулся целый век.
Впервые мы увидели так близко
Все то, за что боролся человек.

Что призраком бродило по Европе,
То к нам пришло как плоть и естество.
Ни гнев врагов, ни козни их, ни ропот
Не остановят поступи его.

Мы будем в коммунизме жить! Какое
Великое свершение времен!
К нему стремлюсь не в поисках покоя,
А новым взлетом мысли окрылен.

Свободный от вседневных тягот разум
Неудержимо устремится ввысь,
И всю галактику охватит разом
Бессмертная и дерзостная мысль.

Неслыханных симфоний звуки, краски
Невиданных картин тех светлых лет
Уже я ощущаю, словно в сказке,
И новому поэту шлю привет.

Счастливым мой собрат! Скрывать не стану:
Я тоже о гармонии мечтал.
Но мир наш разделен был на два стана,
И в красном стане я солдатом стал.

В мои напевы, где любовь и нежность
Звенели, как свирель в ночной тиши,
Врывались трубы гнева неизбежно
Под тайный ропот дрогнувшей души.

Я был в огне клокощем горниле,
Где души переплавились людей
И, отделенные от шлака, гнили,
Сверкают чистым золотом идей.

Горжусь всем сердцем, что и я — участник
Похода, двинувшего мир вперед.
Мир, Труд, Свобода, Равенство и Счастье —
В них и мое горение живет.

Я — СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ГРАЖДАНИН



*Владимиру Маяковскому —
живому среди живых*

Много разных земель знаю я: мир не тесен.
Не везде только солнце свободы.
Много разных наречий, обычаев, песен,—
Расковать бы лишь силы народов!
На чужое не зарюсь, и зависти нету,
Мил и дорог душе край один.
Снова слышится голос трибуна-поэта:
Я — Советской страны гражданин!

Где следов не оставил я поступи твердой?
Помню степи, и реки, и горы.
Предо мной расступались бароны и лорды,
Короли с их наемною сворой.
Батраки и рабы, как свободу, встречали
Мой приход средь холмов и долин.
Все я понял: их думы, надежды, печали,
Я — Советской страны гражданин!

Это слово гремит, старый мир оглушая,
И, крылатое, реет все выше.
На земле, в облаках, океан рассекая,
Это слово ты сердцем услышишь.
Кто бы ни был — шахтер, хлебороб или воин,
Украинец, чуваш, армянин,—

Честь и слава тому, кто воскликнуть достоин:
Я — Советской страны гражданин!
Нет советского неба яснее и краше,
Нет советского солнца светлее.
Но дороже всего — это равенство наше,
Наша верность всесильной идее.
По лесам коммунизма бессменным рабочим
Поднимусь я до самых вершин.
Знаю, верит мне партия — славный наш
зодчий:
Я — Советской страны гражданин!

1949

СВЕРШИЛОСЬ!



1

Свершилось! Сквозь чащобу флагов,
Под радугой зажженных ламп —
Москвой, Варшавою и Прагой —
Неси меня, упругий ямб!

Неси Парижем и Белградом
И Лондоном средь тесноты,
Неси Берлином и Багдадом,
Неси меня Нью-Йорком ты.

Неси Гаваною и Дели,
Алжиром, — тишь там иль гроза.
Неси, чтоб на меня глядели
Родные, ясные глаза.

Родные по земле Советов,
Где я живу, где отчий дом.
Родные по планете этой,
Где все покуда мы живем.

Пока к фамилии Гагарин
Искал я рифму, не один,
Наверно, вспомнил об Икаре
Земли зеленой нашей сын.

Так! Не легенда, не преданье:
 Живой, взволнованный, земной,
 Со счастьем первого свиданья
 Взлетел он к звездам в мир ночной.

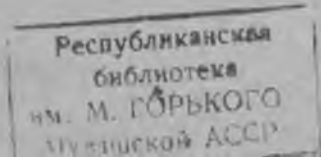
Освобожденным Прометеем,
 Как вызов бывшим всем богам.
 Поднялся, верен тем идеям,
 Которые даны векам.

«Что, если боги в наказанье
 Его на Землю не вернут?
 Что, если?..» Затаив дыханье,
 Весь мир сто восемь ждал минут.

Зовет наш клич: мир без оружия!
 Без страха жизнь — для всех, навек!
 Чтоб женщин не было безмужних,
 Чтоб не было мужчин-калек.

От ран-щелей излечим Землю,—
 Пускай хлеба растут кругом.
 Пусть пахарь жаворонку внемлет,
 Не помня про снарядный гром.

Пусть миллионам неизвестных
 Солдат, из золота отлит,
 Один-единственный, всесветный
 И вечный памятник стоит.



Пусть «в мир» играют наши дети,
А не «в войну», как до сих пор.
Пусть добрый атом людям светит,
На новый их ведя простор.

Отныне измерять нам смелость
Клинками формул, теорем...
Еще немало в мире дела —
Америке, Европе — всем!

4

Я был солдатом Сталинграда,
Что к этому прибавить мне?
Мне выпала судьбы награда —
Живым остаться на войне.

Сердца миллионов и миллионов —
Красивых, сильных, молодых —
Стучатся в грудь мою, и стоны
Предсмертные я слышу их.

Стонавшие на поле боя,
На хирургических столах,—
Они пожизненно со мною,
Священен для меня их прах.

Освенцима я вижу пепел,
И Бабий Яр, и Моабит,
Где в мрачном и холодном склепе
Джалиля дух еще скорбит...

Мне нет покоя и не будет,—
Пред ними в вечном я долгу.
Пускай меня их гнев осудит,
Когда хоть строчкой я солгу!

5

Не всем посвящены поэмы:
Откроет время имена.
Кто больше, кто поменьше — все мы
Причастны к чуду, вся страна.

Шли трудно мы к нему, упрямо,
Не зная милости судьбы.
От первой боевой программы
До третьей — столько лет борьбы!

Но над рядами поколений
В дни бурь и яростной грозы
Одно сверкало имя — Ленин,
Как знамя, клятва и призыв.

Его энергии разряды,
Как бы реакцией цепной,
Пронизывали лет громады,
Заряд передавая свой.

И расщепленный нами атом,
И наш космический герой —
Все виделось орлиным взглядом
В огнях «Авроры» над Невой.

Я замечаю, что все чаще
Смотрю теперь на небосвод.
Какой звезде, вдали дрожащей,
Моих раздумий ясен ход?

Мне чудится, что в этой ночи
Иными стали звезд лучи:
Светлинка каждая нам хочет
Открыться в чем-то — и молчит!

Как будто для разгадки мира
Еще не найдены слова.
Но в космосе не так уж сиры
Мы, мыслящие существа.

Земля моя, тоска земная!
Люблю слова я «быть» и «свет».
Тоскую по мирам, не зная,
Кто есть там и кого там нет.

«Да будет свет!» — вложил я богу
В уста, создавший бога сам.
Свет разума! Лишь с ним в дорогу
Стремлюсь я к новым небесам.

1961

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ДНИ



1. Жар-птицей летите!

Жар-птицей летите!
М. Сеспель

Добрый путь, чувашский Сокол,
Украинский Беркут!
Высоко же, ой высоко! —
Все легенды меркнут.

Вы взметнулись, как жар-птица,
В солнечные дали.
Хорошо ль вдвоем летится?
Что на сон читали?

Мать не спит над Волгой где-то,
Над Днепром — другая.
Не смыкают глаз поэты,
Вам стихи слагая.

Но какими мне словами
Выразить все чувства?
Беден я в сравненьи с вами,
Как это ни грустно...

Верю, вас Отчизна встретит
В заданном районе.

Пусть хотя бы строки эти
Вас в пути догонят.

А со мной, как голос крови,
Будет чувство долга...
Здравствуй, Беркут Приднепровья!
Здравствуй, Сокол с Волги!

14 августа 1962 г.

2. Четыре дня, четыре ночи...

Есть дни такого просветленья,
Когда слова «вражда» и «месть»
Постыдны, словно преступленье,
Я не могу их произнести.

...Четыре дня, четыре ночи
Я слушал музыку вершин.
Кровь в сердце все еще клокочет,
Как будто подвиг сам свершил.

К их мужеству дерзанья, к счастью
Открыться, полному тревог,
Мне кажется, и я причастен
С бессонницей вот этих строк.

Взлетели с Лермонтовым в небо
И со священным словом «мать».
Им на планете нашей мне бы
Одно хотелось пожелать:

Влюбленным в звездный мир и солнце
Всею силою земных страстей,

Пусть никогда им не придется
Стрелять в людей!

15 августа 1962 г.

3. Мать космонавта

Анне Алексеевне Николаевой

Рука еще дрожит, грудь ноет глухо...
Не сняв платка, освободила ухо.

Прикладывает трубку, чуть вздыхая.
Над черною пластмассой прядь седая.

Секунда — словно час, минута — сутки.
А люди так заботливы, так чутки.

Налаживают связь телефонистки...
Вот голос наконец — родной и близкий.

«Анне!» — сказал он по-чувашски: «Мама!»
Вперхнуло слово птицей в сердце прямо.

Вступая в мир, во всех углах планеты
Мы первым произносим слово это.

А он, взметнувшись к звездам с этим словом,
Вернулся снова с ним на все готовым.

Речь матери, как песня, зазвучала,
Как будто колыбельку мать качала.

Не видя слез ее, глаз просветленных,
Он слушал, благодарный, умиленный...

Август 1962 г.

4. Колыбельная Елене

Не Прекрасною Еленой,
Не в особый день и час,—
Родилась обыкновенной
С угольками черных глаз.
Для меня же ты прекрасней
Всех троянок, всех Елен.
Спи, дочурка! Месяц ясный
У кремлевских светит стен.

Твой отец — чувашский Сокол,
Мама — русская твоя.
Высоко же — ой, высоко! —
Поднялись мы, он и я.
Может, там была и качка,—
На земле бы лишь покой.
Спи, чувашечка-русачка!
Наши крылья над тобой.

Папа — с Волги, мама — с Волги,
Родилась москвичкой ты.
Жить тебе век долгий-долгий
И исполнить все мечты.
Вырастай же смелой, сильной,
Чтоб гордилась вся семья.
Для меня ты всех красивей.
Спи же, звездочка моя!



Великое
сердце
поэма





Симбирск. Председателю Совдепа.

Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей чувашской женской и мужской учительских семинарий. Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни.

Председатель Совнаркома ЛЕНИН¹

В Петрограде победила
Революция. Но бой
Штормом небывалой силы
Громыкает над страной.

«Пусть бушует непогода.
Перебесится авось...
Вон Керенский... воевода,
А поди ж, бежать пришлось...»

То же будет и с другими —
Разбегутся кто куда...
Мы с молитвами святыми
Переждем... Пройдет беда...

Не потерпит зла создатель,
Не оставит в горе нас...» —
Так российский обыватель
Шепчет, истово крестясь.

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений, т. 50, стр. 61.

Но все выше вал. Все шире
Революции волна.
От Кронштадта до Сибири
Закипела вся страна.

Старый Яковлев доволен,
Хоть иных его друзей
Не сыскать, как ветра в поле.
Ищут места потеплей.

«Пусть их... скатертью дорога...» —
Думает старик. Ему
Керосину бы немного:
Город погружен во тьму.

А зима не заморозит —
Есть мука про черный день,
Дров учителю подвозят
Чуваши из деревень.

От народа нет причины
За кордон ему бежать:
Он не граф и не купчина —
Им-то надо поспешать...

Вот уже полвека школе
Он все силы отдает.
«А теперь? Не нужен, что ли,
Я тебе, родной народ?»

Есть приказ от комиссара
Сдать преемнику дела.
Что же я, трудился даром?
Что же, зря вся жизнь прошла?»

Мысли Яковлева горьки:
«Где ошибки, в чем их суть?»
Старику подчас до зорьки
Думы не дают уснуть.

«Правда-матушка поборет,—
Утешается старик,—
Но зачем со мною спорит
Мой любимый ученик?
Восемнадцать лет мальчишке...
Говорит, что стар я стал,
Что всю жизнь без передышки
Воз тянул... ослаб, устал...
Это так он... мне в угоду...
Ну, а суть легко понять:
Устарела, мол, метода —
Вот что хочет он сказать...
Да... Дела... Везде болтают,
Что от русских отойдем.
Будто бы не понимают,
Где стоит родимый дом.
Ну, пускай бы край чувашский
Был не в глубине Руси,
А, допустим, на Аляске,—
От чего, господь, спаси...
Коль не так, то бредни эти
Просто-напросто смешны...
Споры, шум... «отцы» и «дети»—
Две столкнувшихся волны.
Нет! Совсем не то!.. К примеру,
Хоть мои ученики —
Часть из них теперь эсеры,
Часть пошла в большевики...

Вместе им как будто тесно,
Бьются злей, чем на войне...
Родине служил я честно,
А теперь что делать мне?
Сын мой Алексей, наш Леля,
Вновь зовет к себе в Москву.
Нет уж, век я отдал школе,
Здесь его и доживу...
И в столицу, и в Москву я
На высокий пост был зван,
Но остался, не рискуя
Покидать родных волжан.
Жизнь без них была б пустая...
Я рожден в избе курной,
Но хотел бы, умирая,
Светлым видеть край родной...
Так вот и отвечу сыну.
Он поймет: учен, умен.
Кошки¹ — вот мои Афины,
А Симбирск — мой Пантеон...»

—Мать, я выйду, прогуляюсь,—
Говорит старик жене.
...На Свяяге лед, ломаясь,
Крутится на быстрине.
Ветру полная свобода
Над водой. Бурлит она.
Солнце, грохот ледохода
И грачиный грай — весна!

¹ Кошки — чувашское село в бывшем Буинском уезде Симбирской губернии (ныне Татария), где родился выдающийся просветитель чувашского народа, педагог и общественный деятель, создатель чувашского алфавита и письменности И. Я. Яковлев (1848—1930).

Прочь житейские невзгоды!
В шляпе, с посохом в руке
Человек седобородый
Не спеша идет к реке.

Вспомнил он один далекий,
Схожий с нынешним денек.
Так же мутные потоки
С гор, журча, сбегали в лог.

Над Свягой гуси цугом
Пролетали... У Ильи
Николаича, у друга,
Сын родился... Дни прошли...
Минуло, как час, полвека,
Мальчик на его глазах
Превратился в человека,
Чьи слова у всех в сердцах.

«Брал его я на колени...
Да... Хоть сам себе не верь...
Маленький Володя... Ленин! —
Вот кто мальчик тот теперь!

Он в Москве, как сообщают.
Там и Леля мой сейчас.
Может быть, друг друга знают.
Может, встретятся как раз.
Ленин... Добрый он, конечно,
Мне ли этого не знать —
Не встречал людей сердечней,
Чем отец его и мать.
Помню, как пришел Володя

К нам, когда его отец
Помер... Матери в невзгодье
Стал оплотом он, юнец...
Через год судили брата
Александра... И опять
Юношу с душой крылатой
Не смогла беда сломать.
Нет, живой, в решеньях скорый,
Справедливый и прямой,
Он единственной опорой
Стал семье своей родной...
Ленин... Во главе России
Он теперь... Что ж, по плечу,
Думаю, дела большие
Сыну друга — Ильичу.
Помнит ли меня? Встречались
Все-таки уже давно.
Три десятка лет не малость —
Позабыть не мудрено...
Что, коль я обеспокою
Делом маленьким его?
Правда, время не такое...
Занят он скорей всего.
Край чувашский — капля в море,
А Россия велика.
Не до нас ему...» Но горе
Грызло сердце старика.
И в письме оно излилось.
Сыну Яковлев открыл
То, с чем сердце не смирилось,
Что терпеть не стало сил.
Труженик страдать безвинно
Не желал и в Кремль сходить

Попросил немедля сына:
Примет Ленин, может быть...

Сын по тону сразу понял,
Как обида велика.
«Клеветою кто-то донял
Там, в Симбирске, старика.
Тут нельзя стоять в сторонке,
Надо как-то помогать...»
Жил профессор на Волхонке,
До Кремля рукой подать.
И двадцатого апреля
В Кремль пошел он... к самому...
Там без всякой канители
Пропуск выдали ему.

Но попасть к Предсовнаркома
Не легко. Сюда идут
С тем, что никому другому
Не решить. Порядок крут.
Ленин занят до предела.
Секретарь достал тетрадь:
— Изложите ваше дело...
Вам придется подождать...
Видите, звонкам конца нет —
Многим надо на прием...—
Но профессор нынче занят:
— Лекция... Зайду потом.—
Он присел, в записке кратко
Изложил больной вопрос.
Секретарь в свою тетрадку
Адрес Яковлева внес.

Вышел из Кремля историк.
Улица почти пуста.
«Да, отец, удел твой горек.
Больно жалит клевета...»

Он пришел к себе. В прихожей
Ждет его простой солдат.
— Вам кого? — Мне вас, похоже...
Яковлев? — Да.— Вот мандат.

Френч. Солдатские ботинки.
Гость, наверно, мало спал.
— Вас, товарищ Половинкин,
Я как будто бы встречал?..
— В этом доме проживаю,
Ближний, стало быть, сосед...
— Очень рад! Хотите чаю?
Проходите в кабинет...

Лишь когда они остались
С глазу на глаз, гость сказал:
— Вы, должно быть, догадались,
Кто меня сюда послал...
Я связист при Совнарком...
Рад, что дома вы как раз.
Разрешите вызвать номер:
Ленин хочет слышать вас.

Миг один — и раскололась
Тишина. Ильич сказал:
— Здравствуйте! — Знакомый голос!
Он лишь мужественней стал.—
Алексей Иваныч, может,

Сильно беспокою вас...
Извините... Но тревожит
Ваш визит меня... Сейчас
Не могли бы вы вернуться
В Кремль на несколько минут?
Если пять минут найдутся,
Буду ждать... Вас проведут...

Гомонила галок стая.
Пахла сыростью земля.
Ничего не замечая,
Шел профессор до Кремля.

Секретарь предупрежденный
К Ильичу его провел.
Книжный шкаф. Два телефона.
Скромный кабинетный стол.

Дорогой, простой и близкий
Человек с огромным лбом
Пишет, наклонясь, записку
На листочке небольшом.
Видно, тезисы к докладу
На листок он заносил...
Вот на гостя поднял взгляд он,
Улыбнулся и спросил:

— Чем могу помочь, скажите,
Вашему отцу и вам? —
Вышел к гостю: — Проходите!
Вот вам стул... — Присел и сам.
С гостя не сводил он взгляда,
Слушая его рассказ.

А потом — вопросы градом:
— Ну, а как дела у вас?
Академикам, наверно,
Нелегко теперь?.. Да, да...
Понимаю... тяжело, скверно...
Мир добудем, вот тогда...
Весь уклад тысячелетний
Рухнул... Путь наш труден, но
С каждым шагом все заметней,
Что другого не дано...
Ясно вам уж, вероятно,
Что история у нас
(Н а с т о я щ а я, понятно)
Только-только началась...
Вы историк. И смотрите
Чаще вспять вы, стало быть.
Ход сегодняшних событий
Можно ль с чем-нибудь сравнить?..

Вспомнили Симбирск, и оба
Призадумались на миг.
Вот где с радостью б он побыл!
Тянет к Волге... не отвык...
Там уж паводок весенний
Начался, грохочет лед...
Хорошо!.. Тут, видно, Ленин
Что-то вспомнил. Он встает:
— Все еще на Малой Конной
Ваш отец живет? Здоров?
Возраст все-таки преклонный,
А работает. Каков!
Пожелайте же здоровья
От меня ему и — вот...—

Сел за стол, потер надбровье,
Что-то записал в блокнот.

Прочитал, над текстом прямо,
Улыбнувшись, стал писать:
«Счет за эту телеграмму
Л и ч н о мне прошу прислать».

Слово л и ч н о подчеркнул он
В кратком тексте на полях,
И улыбка вновь сверкнула
В карих ласковых глазах.

Л и ч н о! Солнечные блики
Вдруг легли на белый лист.
Был он скромным и великим.
Был во всем он коммунист.

Кто в Чувашии не знает,
Не читал еще тех слов?
Детвора их повторяет,
Услыхав от стариков.

Здесь и женщина в сурбане ¹,
И старик, как лунь седой,
Так, бывает, в назиданье
Скажут смене молодой:
— Ленин! Вот кто дал нам счастье,
Вывел нас на светлый путь.
Он отец советской власти —
Это, внучек, не забудь!

¹ С у р б а н — старинный головной убор чувашки.

— Не дал Ленин дерзким людям
Яковлева обижать!
Разве это мы забудем!..—
Дочери внушает мать...

А в Симбирске той весной,
После паводка, когда
Небо уж дышало зноем
И с полей сошла вода,
Указанье комиссара
Приниматься за дела
Получил инспектор старый.
Весть больного подняла.
Сам пакет он распечатал.
Сел в постели. Прочитал.
Все как надо: подпись, дата...
Да, не зря письма он ждал...

— Мать! — позвал старик супругу,
Быстро встал, надел халат,
Кушаком стянулся туго,
Вновь на подпись бросил взгляд,
Двери распахнул и сразу,
Не ступая за порог: —
Мать, дождался я приказа.
Посмотри... Ильич помог!

Это быстро урезонит
Тех, кто нас хотел прогнать...
Уж теперь никто не тронет...
Я, однако, нужен, мать...

— Хорошо! Но ты ведь болен,—
Говорит ему жена.—

Ляг. Забудь пока о школе.
Тишина тебе нужна.

«Да. Устал, устал немного,—
Думает старик больной,—
Что ж, трудна была дорога,
Но не выбрал бы иной.
Может, где-то оступался,
Но тянул не жердь, а кряж...
А Ильич-то отозвался...
Не оставит он чуваш...»

Хочет в классы по секрету
От жены уйти старик.
Вот, уже переодетый,
Дверь открыл. Дозора нету —
Можно даже напрямик...

Семинария! Полвека
Он мечтал о ней. И вот —
Есть простому человеку
В светлый храм науки ход.

Сам он нужен делу тоже.
Ленин так и написал!
Строк теплей, родней, дороже
Просветитель не читал.

Как тут усидишь на месте!
Неприменно должен сам
С этой радостною вестью
Он прийти к ученикам.

Выходя, окинул взглядом
Стены комнаты старик.

Лапоть на стене, а рядом
В лыко воткнут кочедык.

Тут же длинный кнут пастуший
И рожок: как и сейчас,
В детстве дед не бил баклуши —
Лапти плел и стадо пас.

Ничего не позабыто,
Память до сих пор светла...
Многих сверстников с поры той
Мать сыра-земля взяла...

Тяжело мальчонке было,
Кнут с трудом он волочил.
Или солнышко палило,
Или дождь его мочил...

Горше горечи полыни
Хлеб батрацкий, нищета...
Да, он пас, пасет и ныне,
Только паства уж не та.

С ней куда трудней... И все же
Жаль, что век недолог наш.
Ленин!.. Вот кто нам поможет,
Не оставит он чуваш!..

А теперь туда, к народу!..
Ясен взгляд лучистых глаз.
Человек седобородый
Отворяет двери в класс.



Истоки





ДУБ НАД ВОЛГОЙ



Старый дуб — наш батюшка.
Чувашская народная песня

Над Волгою, на берегу крутом,
Я видел дуб с вершиной опаленной:
Знать, не однажды молнию и гром
Встречал старик, как ратник закаленный.

Широколиственной, могучей кроной
Еще с любым поспорит он врагом.
Об этом слышен говор оживленный
Сынов-дубков, теснящихся кругом.

Не так ли ты, народ мой, врос корнями
В родную землю? Не страшны тебе
В большой семье ни грохот гроз, ни пламя.

Во мне все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я — желудь твой.

1953

СИКТЕРМЕ ¹



Сиктерме мое! Немало
В колыбели и лесов
И лугов меня качало,
Я всегда твой слышу зов.

Здесь и радость, и печали,
И тревоги бытия
Мне впервые прозвучали
В струях малого ручья.

Здесь надежда засветилась
Первой робкою звездой.
Здесь я понял: жизни милость
Обернется и бедой.

Понял я: коль не тугая
У крестьянина мошна,
Хватка, стало быть, другая
На земле ему нужна.

А у нас кисет водился,
В нем кресало да кремень
Да махорка... Трут дымился...
Знай кури хоть целый день.

¹ Сиктерме — качалка для колыбели. Название села.

Я бываю в дальних странах,
Где огни реклам — в упор,
Но милей мне, как ни странно,
Дым от трута до сих пор.

Годы гнут меня упорно,
Сердцу — все еще тепло
От твоей землицы черной,
Сиктерме, мое село!

1950

ШУБАШКАР¹



Что-то древнее есть в этом слове:
Шубашкар — кар шубаш — град чуваш...
Мне вскрывать слов значенья не внове,
Как язык ни запрятал их наш.

Шубашкар. Мне тепло с ним, как дома.
Каждый слог — обжитой уголок.
Да и может ли быть по-другому,
Если здесь наш родной огонек?

Шубашкар. В нем не звон и не щебет
И не взрыв слышу я, не удар —
Словно кто-то заветное шепчет
Доверительно мне: Шу-баш-кар...

И не надо нам громкими быть,
Чтоб друг друга понять и любить.

1963

¹ Ш у б а ш к а р — Чебоксары.

ПОРТРЕТ МОЕЙ МАТЕРИ



1

«Спасибо,— ты художнику сказала,—
Похожей вышла, знать: стара, седа...»
Позируя, сурбан ты повязала,
Такою и осталась навсегда.
Глубокие, как борозды, морщины,
И по привычке крепко сжатый рот.
Между бровями как бы две лощины,—
Немало скрыто бед в них и забот...

2

Все пристальней на твой смотрю я облик.
Ушла ты — и заметно пуст мой дом.
Так долго слыша голос, сразу мог ли
Тебя представить в мире я глухом?
Давно ли ты с соседями сидела,
Давно ли с чаркой полною в руке
Друзьям моим болгарским песню спела
Над Волгой о Дунае о реке?

3

Мой добрый дух! Я знал еще ребенком,
Как ходишь ты неслышно: лишь ключи
На поясе позванивают тонко,
Как будто дальний ручеек журчит...

Ты не смогла бы дня прожить без дела.
«Состарившись, дуб сохнет на корню,—
Твердила ты,— вот так и я б хотела...
Да как заботы людям причину?»

4

«...Хлопот дня на три, как глаза закрою,
Доставить можно»,— добавляла ты...
На третий день простился я с тобою.
Лил теплый дождь на летние цветы...
«Вот так всегда, коль добрый умирает»,—
Сказали люди старые вослед.
Верна примета, неверна ль,— я знаю:
Худого про тебя не скажут, нет.

5

До лет твоих смогу дожить едва ли...
Твой первенец, единственный я твой,
В сорочке был рожден, как вспоминали,
И с кровью чистой, жаркой, трудовой.
Бережь себя — моя была забота.
Моя ль? О, если только бы моя!
Бывает — утром солнца позолота,
Под вечер ледяная бьет струя...

6

В дни грусти, горьких разочарований,
Когда чуть тлела вера в доброту,
Стремился я к тебе и знал заране,
Что вновь покой душевный обрету.

Встречались ли мы в городе, в селе ли —
Умела доброй ласкою облечь.
И вновь мечты заветные светлели,
Лечила душу мне простая речь.

7

Бывало, ставишь самовар вечерний,
И запоет он нежно, как сырнай¹.
«Поговорим. Ты редкий гость в деревне.
Бросает же тебя из края в край!..»
Да, путь к тебе лежал подчас окольный.
Кружил твой сын, бог весть чем увлечен,
И, выбирая кручи добровольно,
Ни шагу под гору не делал он.

8

Порой ты, как бы походя, роняла:
«Рожденный раз — и умирает раз.
Сумей прожить — вот это труд немалый!»
Да, думал я, не всякий тут горазд.
Как жить? Ответить трудно было мне бы.
Во всем зерно добра и зла зерно:
Целебен мед, как и полынь целебна...
Что мне еще ответить суждено?

9

Говаривала часто мне ты в детстве,
Когда я буквы первые слагал:

¹ Сырнай — музыкальный инструмент.

«Храни честь рода чистою ты в сердце,
Люби родной народ, как он ни мал...»
Тебя я слушал молча. Год от года
Труднее становился мой подъем.
Что сделал я для нашего народа?
Об этом скажет сам народ потом.

10

По-русски ты совсем не говорила,
Но слово русское «Россия» мне
Впервые сказано тобою было,
Когда речь шла о той еще войне.
Ходили слухи о Козьме Крючкове.
Была картина: на коне казак —
Чубатый, с шашкой, с пикой наготове.
«Он за Россию», — ты сказала так.

11

Лет семь мне было. «Кто это «Россия»? —
«Да все мы, — я услышал в свой черед, —
И люди сельские, и городские,
И русский, и чуваш, и всяк народ...»
Звало то слово, из лачужки тесной
Куда-то вдаль несло мечты мои.
И становилось жутко интересно,
Что где-то там за нас идут бои.

12

Уже читал я письма из окопов.
На лоб твой за чертой легла черта...

Уже услышал в школе я «Европа».
Значенье изменили вдруг цвета:
И белый цвет, и красный — были люди...
«А это Ленин», — говорил сосед.
«Простой он вроде... Может, лучше будет...»
И долго ты смотрела на портрет.

13

А годы шли. Отца мы схоронили.
Услышал я слова: «Хозяин — ты...»
Твое лицо вдруг слезы исказили,
Улыбку стерли горькие черты...
Беда одна не ходит: лошадь пала,
Случился небывалый недород.
Сгорело все. Деревня голодала,
Я — тоже. Мне пятнадцатый шел год.

14

Какой хозяин без коня, без плуга!
А богатеи подбирали все:
Избу за пуд муки! «Что, братцы, туго?
Зато власть ваша, надо быть, спасет...»
Ты только крепче губы прижимала
К моей щеке: «Учись... Я — как-нибудь...
Старайся. Может, выйдешь в люди, малый...»
И через год лежал в Казань мой путь.

15

В лаптях, в кафтане домотканом, старом,
С тетрадкою наивных первых строк,

Добрался я до города усталым
И долго без тебя был одинок.
А жизнь уже несла меня, как лодку
Несет поток весной по быстрине.
Я помнил все: и взгляд твой, и походку,
И выстраданную любовь ко мне...

16

Моим раздумьям ни конца, ни края.
Несутся годы, сердце мне круша...
Забот ли бремя, горе ль пригибает —
Пусть доброту всегда хранит душа.
Нельзя посудой не стучать, доколе
Семья семьей будет, домом дом...
Мне б мужество твое, твою бы волю,
Чтоб зло не устояло пред добром.

17

Нередко ты с тревогой повторяла:
«Лишь зрячей бы ходить, пока жива...»
Восьмой десяток шел, а ты вязала
С девичьим увлечением кружева.
Равнял ли волосы порой тебе я,
Лекарства ль приходилось подавать —
Из года в год казалась ты милее,
Моя седая, сгорбленная мать!

18

От простоты твоей душевной, светлой
Теплей, уютней было в мире мне.

Всегда себя твоею малой веткой
Я чувствовал с тобой наедине.
Уклад ты деревенский, стародавний
Собою в нашу суету внесла:
Звала ты ванную в квартире баней,
А холодильник погребом звала.

19

По праздникам, давно забытым мною,
Особенные ты пекла блины
И потчевала всех пришедших стоя,
Блюды родной обычай старины.
«Хотя б молочница пришла сегодня!» —
Вздыхала ты, коль не было звонка.
Звала соседку именем господним:
«Поешь-ка... На дрожжах... На вкусо-то как?..»

20

Друзей моих ты знала поименно.
Наш город был тебе большим селом.
Ты слушала поэтов умиленно
И пела вместе с ними за столом.
Давно ль Митта ¹ сидел с тобою рядом?
Вот и его земля взяла навек.
Горюю я. Но есть одна отрада:
Добром вас добрый вспомнит человек.

¹ Васильей Митта — известный чувашский поэт, друг автора.

Устав от книг, от черновых тетрадей,
 От встреч, бывавших нудными порой,
 Любил под вечер отдыха я ради
 С тобою посидеть часок-другой.
 Ты вспоминала были-небылицы,
 Я проверял на слух, крепка ль строка.
 Выходит, нам уже не поделиться?
 Такая иногда в душе тоска!

Рожать детей — и боль, и счастье женщин.
 Кто знает, кем ребенок станет твой?
 Какой судьбой бы не был он увенчан,
 Он всех дороже матери родной.
 Но я как будто вдруг прозрел — и разом
 Все в жизни стало ясного ясней:
 Тобой рожденный, я тебе обязан
 И песней сокровенною моей.

Одни тебя находят в красках строгой,
 Другие скромным видят облик твой.
 Во мне — портретов матери так много,
 Что вижу каждый раз тебя иной.
 Но только, где потом ни вспомню, всюду,—
 Сегодня, завтра, через десять лет,—
 Наверное, всегда я видеть буду
 В тебе чувашской матери портрет.

От колыбельной песни до отходной,
То радость изливая, то печаль,
Ты пронесла огонь души народной,
Как тысячи певиц, ушедших вдаль.
Клянусь тебе: душа моя готова
Стократ сгореть, чтоб свет народу дать.
Хранительница очага и слова,
Земной поклон тебе, чувашка-мать!

1961

ВЯЗ



Проходя по улице знакомой,
Я гляжу с волнением каждый раз
На растущий перед новым домом
Необычно одинокий вяз.

Здесь была дорога. Рощей целой
Разрослись деревья по бокам.
Вот одно из них и уцелело
И стоит нетронутым пока.

Покрывал асфальтом тротуары
Тут, наверно, добрый человек:
Пощадил он вяз, еще не старый,
И продлил его зеленый век.

Оградил он четырьмя досками
Сизый комель с четырех сторон:
Вязу ведь земля нужна, не камень,
Ливням теплым радуется он.

Кто же позаботился о вязе?
Как его зовут?— Не знаю я.
Хочется благодарить, да разве
До него дойдет строка моя?

Может, нет давно его на свете,
Может, в дальнем он живет краю.
Все равно ему здесь шепчут ветви
Нежную признательность свою.

...Люди смертны. Сохнут и деревья.
Срок настанет — свалится и вяз.
Пусть хотя б в моем стихотвореньи
Доживет, потомки, он до вас...

1967



В те дни, как талая вода
Еще сверкает тут и там,
Всласть ветерки поют всегда,—
Как передать их песни вам?

В сушь, коль не выпадет роса,
Вдруг дудочкой начнет играть
Метелка спелого овса,—
Как эти звуки передать?

Пронзительно вдруг вскрикнет гусь
Осенним утром на пруду,
И обуяет сердце грусть.
О чем? — Я слова не найду.

Заиндевевший храп коня...
Пофыркиванье на бегу...
Что в первопутке для меня,
Я песней лишь сказать могу!

1926



Опять, опять я одолел недуг
И радуюсь, что дух мой им не сломлен,
Что живо сердце и что мир вокруг
Все так же ярок, праздничен, огромен...
Вон в поднебесье, тучки серебря,
Сверкает месяц над росистым лугом,
Как ноготь Улыпа-богатыря¹,
Обрезанный иль знахарем, иль другом.
У тех, кто злой хворобой скручен был,
Ногтей не обрезали наши деды,
Так значит, Улып, снова полный сил,
Шагает средь полей чувашских где-то...

1964

¹ Улып — великан-богатырь чувашских преданий.

В ЛЕСУ



Август. Кончилась росная ночь.
Заалел палый лист на суглинке,
И листки земляники — обочь
Чуть приметной забытой тропинки.

Лес притих. Птичьим песням конец.
И кукушка, видать, улетела.
В чьем гнезде рос кукушкин птенец?
Это ей знать... Какое мне дело?

Ландыш, чудом весной уцелев,
Смотрит весело ягодкой алой.
Над пеньком клен зовет нараспев:
«Посиди-ка ты, путник усталый...»

Ладно. Сяду. Пора отдохнуть.
В самом деле в пути притомился.
Тяжесть, горечь обид, жгущих грудь,—
Все — как сон, что под утро приснился.

1964

КУКУШКА

(Шутка)



Кукушка хореем скандирует «кú-ку!»,
Но вдруг обрывает на «ку» и молчит,
Как будто певица с привычной докукой:
А как, мол, сегодня мой голос звучит?

Потом она ямбом кукует задорно,
Опять обрывает, сомнений полна,
Но вот, осмелев, веселясь непритворно,
Анапестом звонко хохочет она.

Ну что за артистка! Игриво и нежно
За речкой звучит непрестанно «ку-ку!»...
Знать, предки-поэты учились прилежно
У менторов тех, что поют на суку.

1964



Над зеленым озером огни,
То горят кувшинок желтых свечи.
Кем же зажигаются они?
Близко он живет или далече?

В озере глубоком отражен
Лес прибрежный, словно трехэтажный:
Краснотал внизу, с дубками склон,
А повыше — сосны встали важно.

Ты воскликнешь: «Это красота!
И да будет так, как есть от века.
Пусть же все прекрасное всегда
Видит мир глазами человека!»

1958

МЫ — РОССИЯНЕ



Пусть не русская кровь в нас течет,
Пусть в глазах не лазури сиянье,
Но Россия — наш дом и оплот:
Мы — четыреста лет россияне!

1951

ВОДА



В каких песках, в какой пустыне
Ты не бродил, народ родной!
Не зря мы говорим доньше:
«Живет он славно, он — с водой».

Я вижу в этой поговорке
Твой путь нелегкий, долгий путь.
Ты не мирился с долей горькой
И не хотел жить как-нибудь.

Вода! Она влекла, манила,
Истоки — в глубине веков.
Ты с берегов, быть может, Нила
Дошел до волжских берегов.

Большие водные просторы
Не раз тебе пришлось пройти:
И реки были, и озера,
И море было на пути.

Но слышу, слышу по сей день я:
«Живет он славно, он — с водой».
...Какой простор для размышленья,
Родное слово, мне с тобой!

1964

ЧАЙКИ



О, крики чаек на рассвете
Над тихой волжскою водой!
Как будто разрыдались дети,
Проснувшись в комнате пустой.

Еще туман. И как-то странно
Мир неуютен, одинок,
Как будто хаос первозданный
Природу снова обволок.

Летают чайки и, не видя
Добычи сквозь туман сырой,
На что-то словно бы в обиде,
Кружатся с криком над рекой.

Но вспыхнет солнце золотое —
И мир становится другим:
И чайки, как и все живое,
Поют извечный солнцу гимн.

1960

РУССКОМУ НАРОДУ



Россия, Волга, Ленин...
Ты — русский, я — чуваш.
Незыблем, неизменен
Союз сердечный наш.

Здесь руки мы пожали
Друг другу не впервой:
Древнейший я волжанин,
Я друг надежный твой.

Работаем мы вместе
Уже не век, не два.
Роднятся наши песни,
Обычай, слова.

Нас породнило имя
Того, кто навсегда...
Нам завещал: своими
Звать всех людей труда.

Как в бурю, Волгой вспенен,
Встает высокий вал,
Так встал над миром Ленин,
Путь к правде указал.

1960

С УКРАИНОЙ В СЕРДЦЕ



Я давно породнился с тобой, Украина,
Даже имя твое вызывало всегда
Нежность в сердце моем и желание петь.
Все во мне: твои степи, твоя Верховина,
Киев царственный твой, уголь твой и руда,
Твой Богдан, Арсенала мятежная медь...

Я беднее бы был без тебя, Украина!
Твой Шевченко сокровища слова открыл,
Веру в гений народа вдохнул в душу мне.
Мой собрат вдохновенный, бессмертный Тычина
И заботой, и дружбой меня одарил:
Стих чувашский звенит в лад днепровской волне.

Я в долгу пред тобою за все, Украина:
За сочувствие нам твоего Кобзаря,
За твой хлеб, что ел Сеспель, за землю твою,
Что навек приютила Чувашии сына,
И за доблесть, что ты, чистым сердцем горя,
Проявляла всегда и в труде и бою...

Славься вечно в единой семье, Украина!
Счастье ты дождалась дорогою ценой.

Не забыв ничего, расцветай и живи!..
Речь твоя для меня как напев соловьиный,
В сердце верном моем ты заветной мечтой:
О тебе говорить — песню петь о любви...

1967

* * *



«Не исчерпаешь Волгу ковшом!» —
Кто придумал присловье вот это?
Так найтись и сказать хорошо
Можно было лишь только поэту.

Ум народа и мощь языка
В поговорке коротенькой слиты.
По такому вот слову тоска
И сегодня душой не избыта.

1966



Друзьям





ОВИДИЮ НАЗОНУ



Констанца. Море Черное с волнами
Выплескивает годы и века...
Какая даль, Овидий, между нами!
И все же мне судьба твоя близка.

Ты здесь закончил дни свои в опале.
Уже который век твердит молва,
Что за любовь сюда тебя сослали.
Тяжка расправа, но любовь права.

Любовь — свобода. Даже под запретом!
Свобода чувства, мысли, веры — в ней.
Диктатор Рима разве мог поэтам
Позволить быть шутов своих вольней?!

Но искрою в кремне он жил незримо,
Ниспроверженья дух в людских сердцах,
Чтоб вспыхнуть пламенем неугасимым
И новою звездой в ночи мерцать.

И слово отрицанья притчей, басней
К плебеям шло, хотя был путь тяжел.
А я с душой открытой, с мыслью ясной
Из стана утверждающих пришел.

Прислушиваясь к шумному прибою
И глядя на лицо с высоким лбом,
Овидий, я стою перед тобою
И думаю о жребии твоём.

Не найден прах. Затеряна могила:
На ссыльных тратить мрамор — не резон.
Что из того! История хранила
В стихах твоё бессмертие, Назон!

Гробницы сильных мира, саркофаги,
Гранит колонн, надменных статуй строй,
Короны, скипетры, гербы и флаги —
Все меркнет пред любой твоей строкой...

Своим призваньем одержимый, снова
Я чувствую душой и сердцем тут
Всю силу человеческого слова,
В какое мастер вкладывает труд.

...Прощай, Назон! Увидимся едва ли.
Путь новый ждёт. Но в предрассветной мгле
Услышу вдруг я стук твоих сандалий,—
И станет мне теплее на земле.

1963

ПУШКИН



Как часто в дни, когда я дома
С самим собой наедине,—
Не с книжной полки пыльным томом,
Живым приходит он ко мне!

Горят каштановые пряди,
Тепло пожатие руки.
Порыв и мудрость в ясном взгляде.
Движенья быстры и легки.

И эти пальцы... я впервые
Как будто ощущаю их:
Они горячие, сухие,
Когда душа рождает стих.

С годами мне слышнее этот
Могучий голос всех страстей,
И слово вещее поэта
Как яркий луч в судьбе моей.

В отчизне ко всему причастен,
Храня ее красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть!

1960

РАНЫ ПОЭТА



С днепровского причала в один из летних дней
Я поднимался в Канев и помнил все о ней,

О ней, что повториться не может,— не должна!
Ни под каким предлогом: война — всегда война.

В траве алели маки, но в теплой тишине
Они напоминали кровь пролитую мне.

Я в верном сердце сына принес поклон тому,
Кто стал родным и близким народу моему.

А он, глашатай правды, крамольник и смутьян,
Стоит, насупив брови,— на нем семнадцать ран.

Знать, страшен был кому-то и бронзовый Тарас...
Родная! Украина! Который это раз?

С простреленным плечом он, с простреленным
Живых, живых те пули искали над Днестром!
виском

Искали, находили... Кого же из солдат
Он заслони́л собою от пуль и от гранат?

И где они, те люди? Не я ль один из них?
Давно стихом последним мог стать мой каждый

СТИХ

Душа моя трепещет, и в жилах бьется кровь:
Израненная бронза ее волнует вновь.

Я вижу эти раны, а кто их исцелит?
Семнадцать ран поэта, и каждая болит.

Семнадцать ран зияет, и нет для них врача:
Они в народном сердце горят, кровотока...

Нет! Больше повториться не может,— не должна! —
На раненой планете ужасная война.

А если мир насилия задумает рискнуть,
Пускай посмотрит прежде на небо как-нибудь.

Пусть слышит перекличку он птиц иных высот:
То мирный Сокол к Чайке¹ любовь свою несет.

То кружат мирно Беркут и Ястреб до поры,
В мечтах воображая далекие миры.

И не дай бог кому-то нарушить их мечты! —
Гром грянет небывалый с надзвездной высоты.

А на земле призывом и клятвою гремит
Великий, стоязычный, бессмертный «Заповіт».

1964

¹ Позывные советских космонавтов.

НАШ МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ¹



Безмятежного звездного неба свечение
Видно в тихий полуночный час.
Метеор небеса озарил на мгновение —
Промелькнул и навеки угас.
Звезды будут светить в небе так же степенно,
Но тому, кто увидел болид,
Никогда не забыть этой вспышки мгновенной.
Так и Сеспель не будет забыт.

Словно встал на дыбы аргамак белогривый,
Устремилась на берег волна,
Но бесстрашный гребец не боится бурливой,
Режет грозную носом челна.
Воеет бездна, а ветер гудит, устрашает:
«Не таких я губил смельчаков!»
Но гребец не сдастся, весла не бросает.
И наш Сеспель всегда был таков.

Пролетает орел над вершиной седою,
Зорко смотрит далеко вперед,
И пускай небо в тучах, грозящих бедою,
Он с пути своего не свернет.
Круг за кругом орел высоту набирает —
К солнцу! Выше гряды облаков!

¹ М. Сеспель (1899—1922) — основоположник чувашской советской поэзии.

Встречный ветер лишь силы ему прибавляет.
И наш Сеспель всегда был таков.

Он, как сказочный Данко, пылающим сердцем
Слову нашему путь осветил.
Верил он, что чуваш через темные сенцы
В мир широкий шагнет, полон сил.
В интернационале увидеть успел он
Все народы связующий мост,
Тот, что поднял нас к небу, в простор без
предела,
Мысль чуваша возвысил до звезд.

Эй, вы, юные дети чувашского края,
Вы, кого Сеспель звал в высоту,
Я с любовью и верой вас благословляю:
Режьте воздух крылом на лету!
Срок пришел: наш язык нынче крепче металла,
Так шлифуйте его в добрый час!
Ведь для нового мастера время настало.
Молодые, он где-то среди вас!

1951

ЧЕЛОВЕК С АЛЬПЕНШТОКОМ



Николаю Тихонову

Может, грезил наяву я,
Может, было то во сне:
Брал я гору снеговую,
Что синела в вышине.

Шел я трудно, шел с Востока,
Далеко еще идти...
Человека с альпенштоком
Повстречал я на пути.

Он стоял и словно замер
И смотрел на небосвод
Удивленными глазами:
Перед ним пылал восход.

Человек тот не однажды
Утра ждал средь хмурых скал,
Но поныне в зорьке каждой
Что-то новое искал.

Мир вставал. Из дальней дали
Доносился легкий гул...
Блики солнца заиграли
В волосах и на снегу.

Там, в светлеющей теснине,
Твердый след его идет...
Повернулся он к вершине,
Улыбнулся и — вперед!

Сколько скал еще осталось?
А вершина — не одна...
С белизной снегов сливалась
Молодая седина.

1960

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА



Плачь, муза, плачь...
А. Пушкин

Как хотел бы в тебя я взглядеться!
Не увидеться нам никогда...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Не сотрут ясный образ года.

Твой народ, окрыленный свободой,
Воскресит тебя в песнях не раз.
Капля каждая крови народной
Превратится в бесценный алмаз.

Твой призыв через горы нам слышен,
Здесь не счесть побратимов твоих.
Окровавленным знаменем — выше
Подыму я последний твой стих...

Муза, плачь! Видеть больно и горько,
Как истерзан певец молодой.
Плачь и к мести зови ты за Лорку,
Непокорную песню запой.

Ты увидела слезы ребенка,
Матерей ты услышала плач.
Рядом с нами бездушно и громко
Хохотал инквизитор-палач.

Обещены девушки, вдовы,
И к отмщенью зовет весь край...
Муза, голосом Лорки живого
Ты народ на борьбу поднимай!

Жив поэт! Пусть под гнетом Гренада,
Все равно его песня слышна.
Память родины — лучшей наградой,
Долговечнее бронзы она.

Как хотел бы в тебя я взглянуться,
Молвить слово один на один...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Песнетворец, солдат, гражданин!

1936

ПАВЛО ТЫЧИНЕ



В секстинах стремительных, в строгих
терцинах
Доходит ваш голос до нас.
Мы чувствуем локоть поэта Тычины,
И слышим мы песни приказ.

Пылают сады, от музеев — руины...
Но, что бы ни видел мой глаз,
Бессмертна в единой семье Украина
И вечен в ней песен запас.

Пусть гарью и кровью заря запеклась,
«Твой пепел стучит в мое сердце, Клаас!»—
То голос ваш гневный, призывный.

И мать, кем был вскормлен великий Тарас,
Почуяла в ваших словах в скорбный час
Всю преданность верного сына.

1944, Первый Украинский фронт

АДАМ МИЦКЕВИЧ



Пусть ваши кандалы расплавит гневный стих
Слезами жгучими окровавленной Польши.

А. Мицкевич, «Русским друзьям»

Над Бугом Западным, на польском берегу,
Вошли в деревню мы, в деревню без домов...
Одну картину я навеки сберегу,
Хотя рисунок мой едва ли будет нов:

Поляк — старик седой, ограблен, сир и вдов —
Стоит среди золы и смотрит на реку,
Туда, откуда вдруг на долгодневный зов
Пришел свободы друг, друг мира к старику.

Все сожжено дотла. Но чудом сохранен
Мицкевича портрет. И мнится, видит он,
Как я, взволнованный, молчать не в силах
больше.

Прими привет бойца, великий мой собрат!
Твой гневный стих встает солдатом с нами в ряд
Во имя завтрашней, навек счастливой Польши.

1944

БЕРЕЗА ТУКАЯ



Простые люди из Тукай-Кырлая
Не так, конечно, были все просты.
Никто бы их не упрекнул, я знаю,
В отсутствии понятия красоты.

Душа народная всегда крылата,
Но многим — ох, как многим! — крылья их
Карга-судьба калечила когда-то,
И меркли краски, глохли песня, стих.

А красота сливалась здесь с природой,
Помощницей в труде была она...
Я подошел к березе, что народом
«Березою Тукая» названа.

Она уже стара. Гласит преданье,
Что посадил березу сам поэт.
Другие говорят, что им был дан ей
Какой-то важный, клятвенный обет.

А трети повествуют, что под нею
Стихи свои писал он... Все темно.
От прошлого давно легендой веет,
Ну, а березе это все равно.

Портрет Тукая под стеклом и в раме
Висит на сморщенном ее стволе.
Здесь запросто живет он с земляками,
Что видят хлеб поэзии в земле...

Я знаю в бронзе этого поэта,
Он мне в граните, в мраморе знаком.
Но больше тронула береза эта
Своим живым, всеобщим языком.

1966

* * *



Стихи мои! Все, что угодно,—
Не пережить бы только вас.
Пусть ваш напор волной свободной
Обдаст меня и в смертный час.

Не потому, что я когда-то
С наивным вызовом юнца
Поверил в «яркую заплату
На ветхом рубище певца».

Не потому, что, к сожалению,
Я — ваш поденщик, вы — мой хлеб:
Вернувшись пахарем в селенье,
Я вновь отдаться мог земле б.

Не потому... Не в том вопрос-то,
Что пашни нет, а есть тетрадь:
Без строк моих бессонных
Мне нечем было бы дышать!
просто

1964

СЛОВО К ВЛАДИМИРУ СОСЮРЕ



Не все мне память сохранила встречи.
Но об одной я помню много лет.
...Звучали Сеспеля стихи в тот вечер,—
В день смерти, словно вдруг воскрес поэт.

С ровесниками он и с молодыми
Как будто вновь пошел в поход бойцом.
Тогда-то я представил Вам, Владимир,
Мать Сеспеля с морщинистым лицом.

Чернел, повязанный назад концами,
Платок печали над высоким лбом:
В тот год впервые посетила с нами
Она могилу сына под Остром.

И низко мать склонялась, как над нивой,
Седая прядь свисала с головы...
Сын Украины, рядом с ней пытливо,
Светло смотрели на чувашку Вы.

Шло время. Изменялись судьбы, даты,
Но образ тот к Вам приходил не раз.
Я прочитал стихотворенье «Мати» —
И вспомнил с благодарностью о Вас.

Живет она, мать нашего поэта,
Вошедшая, как в хату, в теплый стих.
Пусть к Вашему портрету слово это
Прибавит также хоть единый штрих.

1968

НИКОЛА ВАПЦАРОВ



За несколько часов до смерти
Он думал только о живом.
«...Я умираю? Нет. Не верьте:
Той не умира! ¹ — мы поем.

А кто он, что не умирает?
Хаджи Димитр и Ботев он,
Бенковский, Каблешков и Райна ²...
Все, в ком народ мой воплощен.

Немало их в столетьях рабства,
Апостолов свободы, их,
Кому протянет руку братства
Через века мой каждый стих.

Пусть мало строк: не в кабинете
Слагал их в мирной я тиши;
Их взор эстета не заметит,
Они — как крик моей души.

¹ Слова из стихотворения Х. Ботева «Хаджи Димитр»: «Тот, който падне в бой за свобода, той не умира» (Тот, кто падет в бою за свободу, тот не умирает).

² Бенковский, Каблешков, Райна — герои национально-освободительного движения Болгарии XIX века.

Мой стих — солдат. Рождался где-то
Меж выстрелом и взрывом он.
Я действовал. Труднее это.
И вот к покою пригвожден.

Скучают руки, млеют ноги.
Теперь сюда, строка, сюда,
Чтоб мне у смерти на пороге
Последний нанести удар.

Осмыслить главное: что было,
Что есть, что будет впереди...
В одну обойму вжать все силы
И в цель — всю сразу — разрядить!

О, жажда жить и блеск голодный
В зрачках среди смертельных мук!
А ты с вниманием холодным
Стараясь смотреть вокруг.

Борьба жестока и эпична...¹
Но недалек уже тот край,
Где каждая свободна личность:
Любую долю выбирай...

Гремят засовы... Лишь бы гордо
Пройти последний этот путь...
Отчизна, дай мне силу, твердость!
Прощай и помни. Не забудь...

¹ Слова из последнего стихотворения Н. Вапцарова, написанного за несколько часов до расстрела фашистами, 23 июля 1942 года.

Прощай, Болгария, и — здравствуй!
Мы будем вновь еще с тобой,
Когда во имя мира, братства
Ты встанешь на последний бой...»

За несколько часов до смерти
Он думал только о живом.
Он умер? Нет его? Не верьте:
С такими в вечность мы идем.

1960

МУСЕ ДЖАЛИЛЮ



Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

М. Джалиль

И откуда взялась эта сила?
Я ведь помню тебя, дорогой!
Значит, весь Татарстан, вся Россия
Были всюду, как совесть, с тобой.

В день последний ты вспомнил Тычину,
Значит, в сердце жила и она —
Вся истерзанная Украина,
Что великой семьей спасена.

А Тычина, седея от горя,
Видел каждый наш шаг боевой,
И набатом с уральских предгорий
Прозвучал голос сердца его.

В дни, когда с надругательством грубым
Враг в Европе народы сметал,
Украинец башкиру стал другом,
И язык он его изучал.

Не узнал ты, Муса, что Тычина,
Сын славян, внук и правнук славян,

Вслед за словом родным «батьківщина»
Написал по-башкирски «ватан».

И в твоём языке это слово,
Величавей которого нет:
Мать-Отчизна! Ей снова и снова
Присягал верным сыном поэт...

А когда ты писал о ромашке,
Покрасневшей от крови бойца,
Может, кровь потекла по рубашке
У Болгарии новой певца.

Да, Никола Вапцаров в июле
Года сорок второго казнен.
Гордо встав и не кланяясь пуле,
Коммунистом, как ты, умер он.

А за час или два до расстрела,
Напряжен, как взведенный курок,
С верой чистой в бессмертие дела
Написал он еще восемь строк.

Ничего друг о друге не зная,
В унисон бились ваши сердца,
И поэзии сила взрывная
Клокотала в душе до конца.

Так, поэты двадцатого века,
На правез и на дыбу мы шли,
Веря в высшую цель Человека —
Мир и братство народов Земли.

С нами новая Муза шагала —
В гимнастерке, в больших сапогах —
И последние строки шептала,
Презирая безволие, страх.

Вдруг слова превращались в гранаты —
И на воздух взлетал каземат...
В сердце мира вошел навсегда ты,
Мой ровесник, мой друг, мой собрат!

1966

КОВШ ЛЮБВИ



Расулу Гамзатову

Гость петь не станет, коль молчит хозяин.
Таков обычай древний у чуваш.
Я, ковш любви и дружбы поднимая,
Спою тебе, кунак далекий наш¹.

По горным ты вершинам и по склонам
К нам шел, Расул, собрат мой дорогой.
Добро пожаловать! Холстом беленым
Пусть стелются дороги пред тобой.

Здесь Волга величаво смотрит в вечность
Пытливыми глазами праболгар.
Войди! Край хмеля рад тебе сердечно,
Стихов чувашских ты почувствуй жар.

Рог не один я на Кавказе выпил,
У нас же ходит мед вокруг стола
В ковше резном из корневища липы,—
Здоровье дагестанского орла!

В моем краю звон гусель и сырная,
В твоем — зурне, комузу не смолкать.

¹ Стихотворение опубликовано в виде предисловия к чувашскому изданию «Лирики» Р. Гамзатова.

Друг другу, наши песни напевая,
Еще немало можем мы сказать.

Пусть песни льются, пенятся пусть чаши,
Здесь каждый дом тебя как друга ждет.
Войди, Расул! Жить вечно дружбе нашей,
Когда поэт поэту руку жмет!

1965

СЕМЕНУ ДАНИЛОВУ



Якутский мой собрат и друг!
Я вспомнил о тебе на юге.
Сверкает Ялты полукруг,
А там у вас, быть может, вьюги.

И может, где-то в этот час
С ружьем ты бродишь и собакой.
Стреляешь, а стихов алмаз
Гранишь и на ходу, однако.

Судьба поэта нелегка:
Своим призваньем одержимы,
Ни в лес зеленый, ни в снега
Уж от него не убежим мы.

Поэт — судья и наших дней,
И будущего, и былого.
Сокровищ всех земных вечней
Граненое поэтом слово.

Таким я чувствую тебя:
Среди суровой ты природы,
Одним дыша, одно любя,
Творишь бессмертие народа.

Тебе всегда я сердцем рад,
В стихах, среди друзей встречая.
Люблю, как на старинный лад
Поешь ты песнь родного края.

К виску прижмешь ладонь свою,
И зазвенит твой голос чистый.
Так, видно, пели и поют
Сказители в снегах лучистых.

Мне чудятся в напеве том
Пути нелегкого движенья
И дым костров в краю пустом,
Народа самоутвержденье.

О, эта жажда — быть всегда
Самим собой, навеки, прочно!
Какая дальняя звезда
Звала людей в тот край полночный?

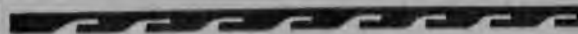
Я понимаю их мечты,
О многом говорят те песни.
Но больше говоришь мне ты,
Как революции ревесник...

1967



Дальний
полет





ВЕНОК ГЕОРГИЮ ДИМИТРОВУ



Его лишь раз я видел близко —
В том памятном году, когда
На поединке исполинском
Он стал судьбою для суда.

В Москве февральской выступал он
Едва ли не в прилета час.
Пожалуй, выглядел усталым:
Ведь мир до этого потряс!

Но, легкий, стройный и красивый
Всей красотой бытия,
Смотрел он юношей счастливым,
Мечтательным, сказал бы я...

...В софийском мавзолее белом,
Едва переступив порог,
Его застывшим, онемелым
Никак представить я не мог.

Я видел сквозь усы седые,
За веками закрытых глаз
Черты все те же, молодые,
Увиденные в первый раз.

В себя вобравший все невзгоды
Родимых гор, всю страсть борьбы,
Он молодостью был народа
И стал звездой его судьбы.

1960

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА



Стою перед Сикстинскою Мадонной...
О, как наш путь через столетья труден!
Как сковывали дух! И пусть не будет
Творенье гения для нас иконой.

Я, против всяких вер предубежденный,
Далек от мысли о каком-то чуде,
Смотрю — и предо мною просто люди:
Она скорбящая, он обреченный.

...Припоминаю смутно, словно сон,
Как мать моя со мною на руках
Была застигнута грозой в поле.

Был взгляд ее тревогой возбужден,
Но видел я в глазах ее не страх,
А, как у этой, сплав терпенья с волей.

1964, Дрезден

ЯДРАН



Радуле Стийенскому

Адриатическое море,
Оно зовется здесь Я д р а н.
Взрывное слово — все в мажоре —
И пробивное, как таран.

Ядран... Ядран... А где впервые
Услышал эти звуки я?
Ах, это было там, в России,
Где юность отцвела моя.

...Похожий чем-то на оленя,
Жил черногорец молодой —
Поэт и воин поколенья,
За солнце вставшего на бой.

Приговоренный к смертной казни
Как коммунист и партизан,
Через кордоны, без боязни
Он в наш сумел пробиться стан...

Мы с ним писали в Подмосковье,
В бильярд играли вечерком.
Я помню, как, насупив брови,
Прицеливался он кием.

Порою он смеялся звонко,
Удачный положив дуллет.

Не партизана, а ребенка
Напоминал в тот миг поэт...

Тогда-то мне и прочитал он
Стихи своих бездомных лет,
Где звонкое Я д р а н звучало,
Как зов отчизны, как привет.

Давным-давно все это было,
Еще не знались мы с войной.
Мое воспоминанье всплыло,
Как чайка над морской волной.

Ядран, Ядран... Я знал поэта
Не больше всех его друзей.
Но грустно мне, что жил он где-то
Вдали от родины своей.

Душой к своим горам тянулся
И с думою о них угас.
Он все ж на родину вернулся,
Вернулся прахом в горький час...

Я езжу по его отчизне,
Ем хлеб ее и пью вино
И думаю о нем, о жизни,
Что повторить нам не дано.

Что преходяще, быстротечно —
Все отойдет в морской туман.
Останется лишь то, что вечно:
Талант. Поэзия. Ядран...

1965, Черногория

ТАМИНА



Где-то близ Синаи водопад Тамина.
Почему так назван — гид не мог сказать.
Девушки ль то имя, как бы мне хотелось,
Или что другое — не пришлось узнать.

Дело не в названье. Дело в том, что вечер
Нас застал в дороге. Полз туман с вершин...
Слыша шум каскада, по тропинке узкой
Мы взбирались трое: немец, я, румын.

Думалось упорно: «Тренирован мало,
Чтоб в ходьбе по кручам быть мне им
под стать...»
Сам — ступал, хромая, и заметно было
Спутникам, что к ночи стал я уставать.

Пошутив немного, не сказав ни слова
О ноге, о ране, поняли друзья:
То протянет немец, то румын мне руку,
И добрался с ними до каскада я...

Водопад Тамина! Я хотел такую
Написать балладу с именем твоим,
Чтоб от строк поэта веяло легендой,
Чтоб твой образ женский был всегда любим.

Мне ж, пока шел вместе с немцем и румыном,
Память подсказала пострашней рассказ:
Белый флаг над Волгой... Сотни тысяч пленных,
Бледных и небритых... Блеск голодных глаз.

В них мольбу о жизни я читал немую:
«Пощадите... Дайте вы любой нам труд...»
Мы ли, мы ль друг в друга целились, стреляли
И сегодня мирно повстречались тут?

...Дорогие люди! Как же это вышло?
Неужели снова наш померкнет свет?
Неужель не скажем мы войне отныне
Грозное, святое, всеземное «нет!!!».

1956, Румыния, Синая

ЧУВАШКА ТАМАРА



Шагаю я вдоль тротуара.
Вдруг женщина одна споткнулась:
«Аннем!» — смутилась, улыбнулась
И на мужчину оглянулась.
И он смеется. Видно, пара.

Аннем? Да: мама. Слово наше.
Откуда это в Бухаресте?
Застыл как вкопанный на месте
И крикнул я: «Салам!» — известней
Нет слова в языке чувашей.

«Салам! — ответил голос звонкий.
Коса тугая за спиною
С кулак, пожалуй, толщиной.—
Тамара. Это муж со мною...» —
Заметно: ждут они ребенка.

Все ж речь родная не забыта
В Румынии, скажи на милость!
Знать, в мире все переместилось...
А женщина кивком простилась
И улыбнулась мне открыто.

1956, Бухарест

ПРЕДЧУВСТВИЕ



Бывает тишина перед грозой,
В душе все цепенеет и в природе...
Неужто дни грозят нам бурей злой
И гром таится где-то на подходе?

...Рыданья матерей в душе моей
И голоса ребячьи: «Дядя, хлеба!..»
А хочется мне петь, ласкать детей,
Безоблачному радоваться небу.

Вон Мариус, чернявый мальчуган,
Играет, бегаёт с овчаркой Ходжи.
Пусть не узнает боли он от ран,
Малец, на сына моего похожий.

Пусть будет жизнь его светла, легка.
А я, с оглядкой в прошлое живущий,
Я не могу, не вправе я пока
С тревогою не думать о грядущем.

Но Мариусу я дарю портрет.
Узнал он, улыбнулся: «Николаев!»
Хочу я верить: гром не грянет, нет,—
Мы с Мариусом не желаем!

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»



Шестого ноября в театре «Мелья»
Мы встретили великий праздник наш.
В предчувствии всеобщего веселья
Смотрел я в полный зал и слушал марш.

Открыли занавес. Уже на сцене
Президиум. А сзади, в глубине,
Над миром руку простирая, Ленин
В торжественной поднялся тишине.

В бородачах с оружием, в строгой форме,
Вчерашних партизан я узнаю.
Пока что Куба носит в полной норме
Всю выкладку солдатскую свою...

«Интернационала» слышу звуки,
Встаю — соседка за руку берет.
Смотрю — сплетаются повсюду руки,
Весь зал стеной единою встает.

Стоим, покачиваясь влево-вправо,
Как будто бы в колонне мы идем.
Поют друзья гимн доблести и славы,
И я пою — на языке своем...

Весь вечер, сердцем радостно волнуясь,
Я видел все яснее и ясней
И Октября испытанного юность,
И юность собственную — рядом с ней.

1963, Гавана

УРОК ИСПАНСКОГО



Зеленым огнем загорается слово:
«Пассэ» — «Ход открыт», — мне подсказывал
свет.

Шагаю, а у перекрестка другого
Огонь красных букв: «Но пассэ» — «Хода нет».

Испанский язык... Если б знали кубинцы,
Что значит вот этот урок для меня!
...Вновь в памяти дым над Мадридом клубится,
Дым черный, зловещий — от мести огня.

«Пассэ... но пассэ» про себя повторяя,
Я чувствую боль от незажитых ран.
Я слышу опять, как от края до края
Неслось тогда гордое «Но пассаран!» —

«Они не пройдут!». Но они проходили,
Прошли. И тому мы свидетели все...
Кубинцы! Вы грудью врагам путь закрыли,
Пусть бьет им в глаза красный свет: «Но пассэ!»

1963, Гавана

ОЛЬГИТА



Слово доброе для гида
Берегу я про запас.
Как мне выразить, Ольгита,
То, что чувствую сейчас?

Мать — француженка, отец твой
Негритянкой был рожден,
Темноватую в наследство
И тебе дал кожу он.

Не каталась на салазках,
Не играла ты в снежки.
Был буран неясной сказкой,
Были вьюги далеки.

Не знакома ты, конечно,
И с лежанкою, как я.
Остров твой зеленый вечно,
Благодатные края.

К людям ласкова природа,
Здесь она совсем не враг.
Жить по-братски бы народам,
Ну, а было все не так.

Белый жил работой белой,
Черный — в черной спину гнул.
Так сказал поэт, что смело
В глуби жизни заглянул.

Было выгодно кому-то,
Чтоб и я в своей стране
«Иностранцем» слыл, как будто
Деготь, а не кровь во мне.

«Разделяй и властвуй» — старый,
Волчий, в сущности, закон.
Верю я: с земного шара
Навсегда исчезнет он.

Я в глазах твоих так часто,
Как сквозь тонкую вуаль,
Сквозь французское лукавство
Вижу Африки печаль.

Будь счастливою! Возьми ты
Стих на память. Мне пора...
До свидания, Ольгита,
Чернокудрая сестра!

1963, Гавана



Тревога





ТРЕВОГА



Мой каждый стих — как будто бы последний...
Возможная трагедия Земли
Тревожит сердце мне: ведь я — наследник
Всего, что люди в мире возвели.

С людьми все больше я люблю встречаться,
Порой весь путь проговорить готов.
Слова, слова... Но замечаю часто
Оцепененье странное меж слов.

Смотрю в глаза людей и в них читаю
Вопрос все тот же, что сжимает грудь:
«Что будет с человечеством?» Не знаю.
А хочется, чтоб знал хоть что-нибудь!

Жить хочет человечество на свете,
Наш добрый гений — он сильнее зла:
Он не допустит, чтобы на планете
Все рухнуло, сгорело все дотла.

Найти слова могучей веры жажду,
У нас на равнодушие права нет.
Душой своей и кровью — каплей каждой! —
Пульс мира должен чувствовать поэт.

Живой сейсмограф сердце у поэта:
Подземный гул с клокочущим огнем,
Толчок первичный, рядом или где-то,
Дрожь малая — все отдается в нем.

Порою тяжело невыносимо,
Но места нет полове слов пустых:
Мне к горлу подступает Хиросима...
Я не хочу, чтоб стал последним стих!

1967

ФИЛИППО МАРИНЕТТИ



Синьор Филиппо Маринетти!
Вы где-то близко, говорят...
Кому-то тесно на планете,
А вам на что он, Сталинград?

Глава драчливых футуристов,
Насилия и войн певец,
Вы к нам пришли с ордой фашистов
Не свой ли подсмотреть конец?

Какие же другие страсти
Вас привели сюда, поэт,
Майором итальянской части
Почти семидесяти лет?

«Единственной гигиеной»
Войну считая для Земли,
Вы, словно к падали гиена,
За вашим «дуче» поползли.

А я лежу в сыром окопе
И, может быть, в предсмертный час
О мирной думаю Европе,
О добром свете женских глаз...

1942



Грезит ночь. Из комнатного плена
Вырвалась мелодия Шопена
И в раскрытое окно палаты
Залетела, трепетна, крылата.
Грустное, ночное что-то влилось,
Но светло на сердце становилось.
Вспомнилось, что в детстве я о звездах
Думал, как о певчих птицах в гнездах:
Вот вспорхнут, я думал, звезды-птицы,
Чтобы песней звонкою залиться.
Так Шопена сердце вдруг запело,
Ожерельем звездным зазвенело.
Нежные чарующие звуки
Успокаивали боль и муки.
Слушал я — и только мне, казалось,
Музыка в признаньях изливалась.
Но под ропот струн иная сила
Мысль мою, волнуя, уносила:
Видел я закат на Волге мирной,
Заливных лугов простор обширный;
Видел смуглых девушек на лодке,
Слышал смех их сдержанный и кроткий...
Чувство родины, святое чувство,
Без тебя как было б в сердце пусто!
Постоянно ты и неизменно,
Как печаль в мелодии Шопена.

1944, Польша, госпиталь

* * *



Звезды падают беззвучно,
Посмотри и помолчи.
Нет: «Моя звезда на небе!»—
Слышу часто я в ночи.

Возглас радостный, знакомый
С детства сердце мне бодрит.
Кто, когда воскликнул первым,
Что звезда его горит?

Одинокий путник в поле
Или раненый солдат
В светлый жребий свой поверил,
Наблюдая звездопад?

Был ли то старик почтенный,
Молодица ль то была,—
Все равно: душа поэта
Этот возглас родила.

Знать, большой любовью к жизни
И горячею мечтой
Билось сердце человека
Под высокою звездой.

Что бы в мире ни случилось,
Но в такой народ всегда
До конца я буду верить:
Пусть горит его звезда!

1945—1950

ПОБРАТИМСТВО



Никогда не позабуду,
Как я летом, в сорок пятом,
Средь ликующего люда
По Москве шагал солдатом.

Да, солдатом: это слово
Знаменитое, которым
Звались все — от рядового
И до маршала в ту пору...

Шел в Москве я. Задержало
Лишь одно меня в столице:
Я хотел хоть каплей малой
В торжество Победы влиться.

Я из госпиталя ехал
В полевых еще погонах...
Шел и слышал взрывы смеха,
Звон тальяночек походных.

Слезы радости я видел
И читал в глазах солдаток,
В нескрываемой обиде,
Что удел вдовы несладок...

Управляя костылями
И в толпе шагая дальше,
Вдруг заметил я, как сами
Отдают мне честь кто старше.

Это кровное единство
Рангов, званий и большое
В горе, в счастье побратимство —
Было Родины душою.

Радость, гнев, надежда, ярость —
Все прошло сквозь сердце сразу.
Сердце словно разрывалось,
И бессилён был тут разум.

Нес меня поток народа,
Что все шире становился...
И за все четыре года
В первый раз я прослезился.

1960



**Вздыбленные
ВОЛНЫ**







1

Перекликаясь в поднебесье, гуси
Над родиною Райниса летят.
Чувашской музыки — есть такая! — гусли
Звенеть готовы кликам этим в лад.

Вновь даже домовитого куда-то
Зачем-то тянет — в помыслах раздор.
И все тебе чего-то маловато...
Передо мною Балтики простор.

Мутна вода, и одиночки льдины
Пока еще припудрены снежком.
Чирки, нырнув, показывают спины,
Сбивает с курса чаек ветерком.

В прибрежном парке женщина сгребает
В большие кучи прошлогодний лист:
Пусть молодой траве он не мешает
Узнать, как мир приволен, как лучист.

Опавший лист в костер идет сегодня,
Дымится тленом тронутая медь...
Я сам уже не лист ли прошлогодний?
Ведь дважды никому не зеленеть!

Я верю граблям времени, что чистят
Сад жизни, загребая всякий хлам.
И если строки высохли, как листья,
Пусть не мешают молодым росткам.

Скажу и больше: коль увижу сам я,
Что помешал надежному ростку,
То брошусь в очистительное пламя
И горькой струйкой дыма потеку...

2

Во многих странах подаю я голос,
Бывает, и по-русски лажу стих,
Но только ветер с Волги тронет волос,
Кладу листы в сторонку: не до них.

Когда влетает этот ветер в душу,
То прочь уходит надолго покой.
Становишься вдруг замкнутее, суше,
И сам не свой ты ходишь день-деньской.

Ты споришь с ним, а он поет трубою,
То нежно, то надрывно он поет.
В страданиях, в исканьях пред тобою
Чувашская история встает.

И думаешь: «Должник ты неоплатный
Пред прошлым и пред будущим... Не стой!»
И по стране ты мчишься необъятной
С единственной спутницей — мечтой:

Поднять родной народ еще немного —
Пусть знает мир, как можем мы дерзать;
Язык наш вынес трудную дорогу,
И он о многом может рассказать.

Последний миг настигнуть может всюду —
В лесах, в степи — отчизна велика...
Коль надписи я удостоен буду,
Пусть на чувашском будет та строка.

3

Хочу я встретить смерть свою на Волге,
Но где — как знать? — зайдет с ней спор
недолгий!

Коль быть при том друзьям моим случится,
Хочу одним желаньем поделиться:

Когда погаснет взор и кровь остынет,
Пусть тот, кто саван на меня накинёт,

Сначала вынет сердце, чтобы взял
Его народ, что жизнь мне даровал.

А где его родной земле предаст он,
Решит он сам: он это сделать властен.

Одно бы знал: я сделал все, что мог,—
Служа ему, я сердце не берег.

Строчит мой друг обеими руками —
Его машинку слышно через дверь.
Мне Константин¹ наш вдруг пришел на память:
Ему бы то, что есть у нас теперь.

Из дуба он машинку изготовил,
Чтоб песня обошла весь белый свет.
О, как мечтал он о печатном слове,
Не выпустивший сборника поэт!..

Он пишет — ну не чудо ли чернила!
Зачеркивает... Кру́гом голова!
Чтоб песня обрела красу и силу,
Он ищет лишь бессмертные слова...

Строчим, стучим мы — буквы, как мечтал он,
Ложатся что на белый снег — следы.
И книг своих сейчас у нас немало,
А все ж нам до «Нарспи»² — как до звезды!

Все пристальней гляжу на окоем
И, вспоминая край свой, писем жду.
На Волге, видно, самый ледолом,
Играют льдина с льдиной в чехарду...

¹ Чувашский поэт Константин Иванов.

² «Нарспи» — поэма Константина Иванова.

Люблю я дни, когда свой белый сон
Природа непреклонно гонит прочь.
Звучит в душе капли вешний звон,
И этот зов никак не превозмочь.

Он, словно кровь цыганская, меня
На поле гонит, в лес, к кипенью рек.
Оглобли вверх, стреноживай коня
И под шатром готовь себе ночлег!..

Но этого уж нету — век не тот! —
И в Шубашкаре на откос друзья
Идут лишь посмотреть на ледоход.
Меня не видят. Только с ними я!

6

Покоя не ищу. У славы
Я не был в батраках ни дня.
Забудут? Первого ли, право?
Сам труд — блаженство для меня.

Что ж, деду-табакуру — трубка,
Юнцу любовь милей всего...
Ласкаю слово, как голубку,
Пред тем, как в мир пустить его.

Коль чувства этого не зная,
Хотят стиха раскрыть секрет,
Я только сумрачно вздыхаю:
Еще не родился поэт...

Вздыхает море... Не такое
 Пред взором мысленным моим —
 Не серое, а голубое...
 И солнце, словно жар, над ним!

Едва оно касалось края
 Зелено-голубой волны,
 Шипело, помню, угасая,
 Среди вечерней тишины.

Ах, знаю, что не так все было.
 Я сам тогда душой пылал, —
 Шипеть спокойное светило
 Воображеньем заставлял...

Бродил я по стране горячей,
 Горяч был, да остыл, утих...
 О всех обидах, незадачах
 Лить слезы или вылить стих?..

Вздыхает море шумно, грозно...
 То стихнет, то плеснет сильней.
 Не будоражь меня ты: поздно —
 Другое в памяти моей!

Ждет путь. Подтягиваю ванты.
 А в сердце каждая струна,
 Как скрипка мага-музыканта,
 Как нерв его, напряжена.

Проверен лад, смычок подкручен,
На деку подбородок лег —
И мир мелодией озвучен,
Что музыкант в душе берег.

Лети, стремительное скерцо,
Звени, заставь светиться миг.
У юных пусть пылает сердце,
Пускай утешится старик.

Пусть улыбнется он, припомнив
Обличье юности своей...
Путь к истине... Шипов и комьев
Немало на дороге к ней.

С пригорочка яснее видишь,
Как легче было бы шагать.
Но ты колдобины одни лишь
Встречал бы на пути опять...

Жизнь норовила под микитки,
Аж искры сыпались из глаз.
«Не лучше ль собирать пожитки?» —
Уныло думалось подчас.

Но скрипка и моя звучала
И спела, что могла, сполна.
Не всем, быть может, слух ласкала,
Но не фальшивила она.

«В руках кормилица-соха,
В сердцах у нас отец да мать...»
Легко за эти два стиха
Я мог бы том своих отдать!

Бессмертный мастер, где ты жил?
В каком роду? В который век?
Какие песни ты сложил
И вечный где обрел ночлег?

Землицу отряхнув с лаптей,
Ты борозду прямую вел
И вдруг нашел мечте своей
Неувядающий глагол.

Грач, как гадалка, за тобой
Следил, внимал звучанью слов,
Как будто к выси голубой
Их понести он был готов...

Ковш поднимая на пиру,
Ты в нем свой разум не топил.
Собрат, товарищ по перу,
Ты песню радости творил!

Благ за нее не получал —
На что же соловью они?
Зато напев не отзвучал —
Попробуй это оцени!..

Обычай наш, мечты, тоска —
Две строчки, словно благодать! —
«В руках кормилица-соха,
В сердцах у нас отец да мать...».

10

Давно я не был здесь! Верхушкой,
Кажись, кивнула мне сосна:
Мы знались некогда друг с дружкой,
И «здравствуй!» молвила она.

Иль тут смешно с людскою меркой
Искать чуть не родства мне душ?
Стройна, но зелень только сверху,
А ниже сучья голы... Сушь...

Стоит, как будто бед не зная...
Кругом соседи разрослись,
Ее макушка небольшая
Сквозь кроны их стремится ввысь...

Я думаю о грешном теле
Своем, что сохнет уж давно:
С годами, видно, в самом деле
Зреть только голове дано...

Плывут над кроной друг за дружкой
Лебяжьи стаи облаков.
Красива пышная верхушка,
А все ж мне жаль сухих суков...

«Ни́менé! Ни́менé!» —
Клич, бывало, звучал.
На подмогу родне
Поднимал он сельчан.

Осыпается рожь —
Сам забудь тут о сне
И друзей потревожь:
«Ни́мене! Ни́мене!»

Жать хлеба, иль косить,
Или скирды метать,
Или избу рубить —
Как народ не позвать?

Что ты можешь один?
И из глуби веков
Со жнитва, с луговин
«Ни́мене!» слышен зов.

Хоть просторна земля,
Да вот клином сошлась
На меже, где былья
Полоса поднялась.

Сжат нуждой белый свет.
От избы — никуда.
«Нет жены — долга нет»,
А коль есть, что тогда?

В доме деток полно.
Лет с семи дочь прядет.
Холст, сукно иль рядно —
Все на дело пойдет.

Срок пришел бить кудель,
И звенит в тишине,
Как в бору, птичья трель:
«Нимене! Нимене!»

Руки трудятся влать,
Тут и мысли простор;
Любят родичи, страсть,
Чтобы ум был остер.

Труд — твоя колыбель,
Возрожденный народ!
В небесах, на земле ль
У нас дело идет.

Тем, кто ум свой запрёт,—
Сыновьям, дочерям,—
Не идти поперек —
Помогать надо нам.

И чем дело трудней,
Тем бы голос, по мне,
Подавать посильней:
«Нимене! Нимене!»

Смотрю я в глубину времен:
 Отец и сын... костер дымится...
 Привстал старик, в чуб сыну он
 Воткнул перо какой-то птицы.
 «Выш-ваш!» — я слышу как сквозь сон,—
 Пусть сын, как птица, ввысь стремится.

«Выш-ваш!» — как сильное крыло,
 Шуми, взлетев, сверкай на солнце!
 Пусть окрылит тебя перо,
 Пусть сильной плотью облечется!
 ...Двух пращуров перед костром
 В мечте увидел я, сдается.

Мысль ближе к нашим дням спешит.
 В ларце истории копаюсь.
 Язык чуваш, преданья, быт —
 Истоки их найти пытаюсь.
 Казалось, что тут удивит?
 И все-таки я удивляюсь:

Чудь, меря, весь — да тьма племен
 Ушла от нас почти бесследно.
 Что черепки — ведь без письмен
 Все прошлое — бедно и бледно!
 А ты, народ мой, возрожден
 И продолжаешь путь победно!

...от града белого,
от волны со звездой
спаси нас...

Из старинной молитвы

«От волны со звездой...» — я воочью
Вижу яростно вздыбленный вал,
Вкось летящие пенные клочья,
Устрашающий белый оскал.

«От волны со звездой...» — знать, немало
Этих волн повстречал ты, чуваш,
Знать, молитва не всем помогала,
Не всегда вызволял и кураж.

Глядь, тем вздыбленным валом гремящим
Половину гребцов унесло...
Уцелевший на судне ледащем,
Дух крепя, налегал на весло,

Чтоб на стрежень истории ныне
Мы, наследники, выплыть смогли
И в любую волну без унынья
Новый ходкий корабль повели.

«От волны со звездой...» — поцветистей
Ищет слово присяжный певец.
Исполать! Но куда сноровистей
Ты, народ мой, поэт и мудрец!

Дни мчатся, волчком нас крутя,
 Границы их не растянуть.
 Двадцатого века дитя,
 В нем кончу я жизненный путь...

Придет «шестьдесят...» — но какой?
 А может быть, «семьдесят...» все ж?
 Но дальше стремлюсь я мечтой:
 «Что будет?» — мне вынь да положь!

Среди суеты, маеты
 Нет-нет да на ум и придет:
 Какой же, земля, будешь ты,
 Ну, скажем, в двухтысячный год?

Взглянуть хоть единым глазком
 На внука бы мне своего:
 Дубина ли с крепким сучком
 Иль солнце в руках у него?

— Не бог человек, — мне твердят, —
 В нем истины свет, в нем и мрак. —
 Двадцатого века дитя,
 Кричу я: — Да будет не так!

Я помню, не столь уж давно
 Людей лютый голод косил,
 А где-то сжигали зерно
 И ветер золу уносил...

Я видел руины и кровь,
А там новой бойни хотят,
Сраженья планируют вновь —
Недорого стоит солдат.

И если в двухтысячный год
Обман, тиранию и смерть
С собой человек принесет,
Мне лучше сейчас догореть!

Нет! Разум сильнее ружья!
Пусть зреет, как солнце, светя!
В людские сердца верю я —
Двадцатого века дитя.

15

Любуюсь я погожим днем
У края дюны безголосой.
Гудят о чем-то о своем
И шепчут сосны.

Шумят и гребни волн вдали.
Я слышу говор их невнятный.
Но что б они сказать могли?
Мне непонятно.

Крик чайки прорезает высь.
Он — словно плач, обиды полный,
И только небо сверху вниз
Глядит безмолвно.

Взмыть к солнцу чайке не дано,
То смотрит на нее с улыбкой.
Ей остается лишь одно —
Нырнуть за рыбкой.

Вверх мысль моя устремлена,
И это видят сосны, птица,
Но под ногами все она —
Земля... земля...

Диктует жизнь, и я в тетрадь
Вношу с ее подсказки строки,
А то, что должен я сказать,
Дождется ль срока?

Речь сосен вкрадчива, тиха;
Крик чайки прозвенел над мысом;
Прибой скандует ритм стиха,
Что не записан.

16

И говорят, и пишут часто:
«Я смерти заглянул в глаза».
Что ж, тем, кто пишет, есть чем хвастать.
Но я одно хочу сказать:

Мне кажется, смерть одноглаза —
Будь это карцера глазок,
Будь цель избравший по приказу
Ствола ружейного зрачок.

Я видел этот глаз воочью...
И нынче давит грудь тоска,
Когда нет-нет, да вспомнишь ночью
Вдруг холод стали у виска.

17

...А я все думаю о ней:
Придет — смириться с этим надо.
А взгляд ее! Нет холодной,
Безжалостней и зорче взгляда!

Приметив, думает, должно:
«Пусть пишет, любит и ревнует,
По свету ездит — все равно
Моей косы он не минует!»

Да. Скосит, как ты ни перечь.
Все ж умереть бы на постели,
Как люди бы в могилу лечь,
Ведь не котенок в самом деле...

18

В Доме творчества — твори!
Ясно. Только просто ль?
Бес внушал мне: «Ты схитри,
Погуляешь вдосталь!»

Да и сам-то я не раз
Клялся: «Хватит! Крышка!
Поэтических колбас
Понабил с излишком!..»

Но за лацкан взявши вдруг,
Муза тихо: «Экий
Баловень ты все же, друг!
Знай, ты мой — навеки!

Бросишь милую, любя,
Дом уютный — тоже,
От меня ж, как от себя,
Убежать не сможешь!»

19

О крылышко мое! Родная!
Как нежен, ласков наш язык!
Опять тоскую без тебя я!
Твой образ в памяти возник,
О крылышко мое! Родная!

Как нежен, ласков наш язык!
Я слышу звуки милой речи:
То ль в руки гусли взял старик,
То ль это ласточка щебечет?
Как нежен, ласков наш язык!

Опять тоскую без тебя я!
Сказал бы я, как в песне тут:
«Возьми полсердца, дорогая!»
Но, вынув сердце, не живут...
Опять тоскую без тебя я!

Твой образ в памяти возник.
Ну как мне полюбить другую,

Коль не забыть мне ни на миг
Тебя, все так же дорогую?
Твой образ в памяти возник...

О крылышко мое! Родная!
Мечта моя, как мотылек,
Кружится, крылья опалая,—
Ты жгла! И я, наверно, жег...
О крылышко мое! Родная!

20

Дай, Латвия, в последний раз
Взглянуть, как луг ты вешний стелешь.
Бумаге белой не поверишь
Всего, что здесь подметил глаз.

К тому ж, по правде говоря,
Не справочник стихи поэта.
В них есть и местные приметы,
Но... гиды хлеб едят не зря.

Экзотикою бредит тот,
Кто не томим заветной мыслью.
Душевным миром с норку мышью
Кому ж бахвалиться расчет?

Ну что ж, пускай их колесят.
Кому что сужено, не так ли?
Ведь есть и те, что в горской сакле
И в юрте с миром говорят...

Янтарный берег... Подышать
Хотелось мне морским озоном,
Но нáзло докторским резонам
Пришла поэзия опять.

Торопит сердце, чуя, что ль,
Как жизнь уходит миг за мигом.
Нижу слова я, как под игом,
Как в самой крепкой из неволь.

Средь трав, что блещут, словно ярь,
Под солнцем синего апреля,
Вдруг нанизал я ожерелье
В краю, где так любим янтарь.

К вам сердце нежности полно,
Зеленый берег и лагуны.
Я кончу путь, но кто-то юный
Продолжит путь, как быть должно.

И может тут встречая май,
Топча песок, бродя ль по лугу,
Он, что-то вспомнив, скажет другу:
«Вот здесь ходил наш Хузангай».

1963, Дубулты



Прощание





* * *



Я все так же зимою и летом
Езжу: мне без людей одиноко.
Среди странствий по белому свету
В сердце строки коплю я до срока.

Длинен, краток ли путь — не прибавить.
Зорче будь, и ты станешь богаче,
Только надо в душе переплавить
Все, что видишь вокруг, — не иначе!

Жить спешу я в трудах и заботах,
А народ говорит: «Все едино,
Хоть спешу, остается работы
На три дня даже после кончины...»

О чуваш мой! Готов он трудиться,
Словно вол, — пока ног не протянет...
Знать, в пути суждено мне свалиться
Иль она за машинкой застанет.

1969

* * *



Иней, иней выпал в ночь,
Над водою пар...
Пожил. Знать, пора и прочь...
Ну, прощай, Хисар!

Буду помнить в час любой
Твой радушный кров.
Расставаться и с тобой
Горько — нету слов!

1969, Болгария, Хисар

* * *



Падает листва...
Я бреду едва,
Жилы — как из лык.
А ведь был джигит.
«Крепок! Туго свит!» —
Слышать я привык.
Жизнь — вся впереди!
Молодость в груди
Радугу зажгла.
Прибавляла сил,
Чтоб крылатым был.
Ей за то хвала!

1969, Болгария, Хисар

* * *



Какой-то римлянин давным-давно
На чьем-то надмогильном камне высек:
«Здесь, если и торопишься, стой!»
Тысячелетия строку не стерли,
И нынче я задумался над ней.
Мне, торопящемуся вместе с веком,
Пришло на ум, что, может, надо все же
Для передышки приостановиться,
Подумав, кое-что принять в расчет,
В огне, что человечество зажгло,
Одну заметить искорку — свою...
«Здесь, если и торопишься, стой...»

1969

* * *



Метель... Болгария! Родная!
Ты нынче далеко.
Перед тобой в долгу я, знаю,
И сердцу нелегко.
Закрою я глаза и вижу
Твоих небес простор,
И волны, что побережье лижут,
И склоны добрых гор.
А солнышко! Забыть нельзя мне
Ласкающих лучей:
«Ну, не хирей, смотри, не зябни...
Вот так! Держись бодрей!»
Метель... Все белой мглой одето.
Что ж, ведь пути земли
Когда-то нас через полсвета
На север привели.
Но с южной кровью нет покоя —
Вновь сердце бередит.
Тысячелетнею тоскою
Оно горит, горит...

1969, Чебоксары

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОТА. *Перевел автор*

Ленину — вождю, человеку	7
Партии	12
Я — Советской страны гражданин	14
Свершилось!	16
Легендарные дни	
1. Жар-птицей летите!	21
2. Четыре дня, четыре ночи	22
3. Мать космонавта	23
4. Колыбельная Елене	24

²³ ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ (<i>Поэма</i>). <i>Перевел А. Казаков</i>	25
--	----

ИСТОКИ

Дуб над Волгой. <i>Перевел автор</i>	43
Сиктерме. <i>Перевел автор</i>	44
Шубашкар. <i>Перевел автор</i>	46
Портрет моей матери. <i>Перевел автор</i>	47
Вяз. <i>Перевел автор</i>	56
«В те дни, как талая вода...» <i>Перевел А. Казаков</i>	58
«Опять, опять я одолел недуг...» <i>Перевел А. Казаков</i>	59
В лесу. <i>Перевел А. Казаков</i>	60
Кукушка (<i>Шутка</i>). <i>Перевел А. Казаков</i>	61
«Над зеленым озером огни...» <i>Перевел автор</i>	62
Мы — россияне. <i>Перевел автор</i>	63
Вода. <i>Перевел автор</i>	64
Чайки. <i>Перевел автор</i>	66
Русскому народу. <i>Перевел автор</i>	67
С Украиной в сердце. <i>Перевел автор</i>	68
«Не исчерпаешь Волгу ковшом!..» <i>Перевел А. Казаков</i>	70

ДРУЗЬЯМ

Овидию Назону. <i>Перевел автор</i>	73
Пушкин. <i>Перевел автор</i>	75
Раны поэта. <i>Перевел автор</i>	76
Наш Михаил Сеспель. <i>Перевел А. Казаков</i>	78
Человек с альпенштоком. <i>Перевел автор</i>	80
Федерико Гарсиа Лорка. <i>Перевел автор</i>	82
Павло Тычине. <i>Перевел автор</i>	84
Адам Мицкевич. <i>Перевел автор</i>	85
Береза Тукая. <i>Перевел автор</i>	86
«Стихи мои! Все, что угодно...» <i>Перевел автор</i>	88
Слово к Владимиру Сосюре. <i>Перевел автор</i>	89
Никола Вапцаров. <i>Перевел автор</i>	91
Мусе Джалилю. <i>Перевел автор</i>	94
Ковш любви. <i>Перевел автор</i>	97
Семену Данилову. <i>Перевел автор</i>	99

ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ. *Перевел автор*

Венок Георгию Димитрову	103
Сикстинская Мадонна	105
Ядран	106
Тамина	108
Чувашка Тамара	110
Предчувствие	111
«Интернационал»	112
Урок испанского	114
Ольгита	115

ТРЕВОГА. *Перевел автор*

Тревога	119
Филиппо Маринетти	121
«Грезит ночь. Из комнатного плена...»	122
«Звезды падают беззвучно...»	123
Побратимство	125

ВЗДЫБЛЕННЫЕ ВОЛНЫ. *Перевел А. Казаков* 127

1. «Переключаясь в поднебесье...»	129
2. «Во многих странах подаю я голос...»	130
3. «Хочу я встретить смерть свою на Волге...»	131

4. «Строчит мой друг обеими руками...» . . .	132
5. «Все пристальней гляжу на окоем...» . . .	132
6. «Покою не ищущу...»	133
7. «Вздыхает море...»	134
8. «Ждет путь...»	134
9. «В руках кормилица-соха...»	136
10. «Давно я не был здесь!..»	137
11. «Нимене! Нимене!..»	138
12. «Смотрю я в глубину времен...»	140
13. «От волны со звездой...»	141
14. «Дни мчатся, волчком нас крутя...»	142
15. «Любуюсь я погожим днем...»	143
16. «И говорят, и пишут часто...»	144
17. «...А я все думаю о ней...»	145
18. «В Доме творчества — твори!..»	145
19. «О крылышко мое!..»	146
20. «Дай, Латвия, в последний раз...»	147

ПРОЩАНИЕ. *Перевел А. Казаков*

«Я все так же зимою и летом...»	151
«Иней, иней выпал в ночь...»	152
«Падает листва...»	153
«Какой-то римлянин давным-давно...»	154
«Метель... Болгария! Родная!..»	155

Хузангай Педер
(Петр Петрович)

ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ

М., «Советский писатель», 1972, 160 стр.
План выпуска 1972 г. № 272. Художник
Ю. В. Петров. Редактор Н. Н. Сидоренко.
Худож. редактор Е. Ф. Капустин. Техн.
редактор Т. С. Казовская. Корректор
Ф. Л. Эльштейн. Сдано в набор 7/X
1971 г. Подписано к печати 27/I 1972 г.
А 05817. Бумага 70×108^{1/32} № 1. Печ. л. 5 (7,0).
Уч.-изд. л. 4,35. Тираж 6 000 экз. Заказ № 522.
Цена 50 коп. Издательство «Советский
писатель» Москва К-9, Б. Гнезниковский
пер., 10. Тульская типография
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР, г. Тула,
проспект им. В. И. Ленина, 109

